

ОТДЕЛ V.
ХРОНИКА

УДК 378.225

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ АКАДЕМИИ
В 2007/2008 УЧЕБНОМ ГОДУ.
ОТЗЫВЫ НА КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В 2007/2008 учебном году в Московской духовной академии прошли успешные защиты сорока девяти дипломных работ очного отделения Семинарии, семи кандидатских диссертаций очного отделения Академии, двенадцати дипломных работ сектора заочного обучения Семинарии и четырех кандидатских диссертаций сектора заочного обучения Академии.

*Защитили дипломные работы выпускники очного
отделения Семинарии:*

1. Амелин Александр (по кафедре Церковной истории на тему: «Разделение русской митрополии»);
2. Антонюк Сергей (по кафедре Филологии на тему: «Перевод произведения: “Житие святого Германа Оксерского”»);
3. Ашмарин Андрей (по кафедре Богословия на тему: «“Полупелагианские” споры на Западе в V–VI веках и их богословская оценка»);
4. Барган Константин, диакон (по кафедре Церковной истории на тему: «Духовно-культурные связи Горы Афон и балканских стран (Сербия, Болгария) в XIII–XV веках»);
5. Барицкий Дмитрий (по кафедре Филологии на тему: «Слова на “Блаженства” Господни св. Филофея Коккина как памятник поздневизантийской письменности»);
6. Бик Олег (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «История развития храмового интерьера на примере базилики Святого Климента (San Clemente) в Риме»);
7. Борисов Антон (по кафедре Богословия на тему: «Современное состояние католического монашества (на примере Францисканского и Доминиканского орденов)»);

8. Ведерников Артемий, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «Архиепископ Феодор Кентерберийский как представитель восточного христианства на древнеанглийской кафедре»);

9. Георгица Юрий (по кафедре Библистики на тему: «Экзегеза по Четвероевангелию в проповедях Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины Владимира (Сабодана)»);

10. Гусев Андрей (по кафедре Филологии на тему: «Проблема религиозного мировоззрения И. С. Тургенева»);

11. Зубов Сергей (по кафедре Филологии на тему: «Просительное послание Фаустина и Марцеллина, пресвитеров из области Урсина, с просьбой к императорам Валентиниану, Феodosию и Аркадию против Дамаса»);

12. Иванчогло Юрий (по кафедре Богословия на тему: «История христианской миссии среди иудеев»);

13. Калинин Ярослав (по кафедре Богословия на тему: «Математические аналогии в апологетике»);

14. Кнутов Алексей, диакон (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Воззрения святителя Филарета Московского на меру применения канонов в современной ему жизни»);

15. Колот Анатолий (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Возрастной ценз кандидата священства»);

16. Коновалов Андрей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Опыт построения диспута с представителями неиндуизма»);

17. Константинов Игорь, диакон (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Обзор и сравнительный анализ современных протестантских учебников по гомилетике»);

18. Котельников Алексей (по кафедре Церковной истории на тему: «Опыт построения курса “Общecerковная история. Период Вселенских Соборов” (для преподавания в духовных училищах и на богословских курсах для мирян)»);

19. Кузнецов Дмитрий (по кафедре Богословия на тему: «Этический аспект богословия мужей апостольских»);

20. Кузнецов Сергей С. (по кафедре Богословия на тему: «Специфика религиозного сознания в современных патриотических движениях»);

ях на примере движения “Черная сотня”, газеты “Русь Православная”, журнала “Первый и Последний”»);

21. Кузнецов Сергей Ю. (по кафедре Церковной истории на тему: «Жизнь и деятельность митрополита Питирима Волоколамского и Юрьевского»);

22. Кукушкин Александр (по кафедре Богословия на тему: «Женщина в религиозно-философском творчестве В. В. Розанова»);

23. Лапшин Виталий (по кафедре Богословия на тему: «Динамика религиозной ориентации российского общества 1988–2004 гг. (по данным статистических исследований)»);

24. Мальшев Сергей (по кафедре Богословия на тему: «Состояние католического образования в России с 1998 года»);

25. Матвеев Денис (по кафедре Богословия на тему: «Лютеранские общины в современной России»);

26. Милованов Иван (по кафедре Филологии на тему: «Проблема безверия в творчестве А. С. Пушкина»);

27. Михайлюк Дмитрий (по кафедре Церковной истории на тему: «“Журнал Московской Патриархии” как источник по истории Московских духовных школ (1944–2000 гг.)»);

28. Мнацаканов Самуил (по кафедре Богословия на тему: «Этапы духовной жизни по аскетическим и экзегетическим творениям свт. Григория Нисского»);

29. Новиков Леонид (по кафедре Церковной истории на тему: «Западная Церковь при Карле Великом»);

30. Овсянников Михаил, диакон (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Иконография образа “Архангел Михаил с деяниями”»);

31. Овчинников Александр (по кафедре Филологии на тему: «Перевод третьей – пятой книг трактата “Против Донатиста Пармениана (Adversus Parmenianum Donatistam)” святителя Оптата Милевийского»);

32. Прядун Дмитрий (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Использование средств массовой информации в миссионерской деятельности»);

33. Пчела Максим (по кафедре Библистики на тему: «Экзегеза “особого материала” в тексте Евангелия от Луки в творениях Иоанна Златоуста»);

34. Романцев Сергей (по кафедре Библистики на тему: «Четвероевангелие в гомилетическом наследии митрополита Антония (Блума)»);

35. Русанов Яков (по кафедре Филологии на тему: «Проблема человеческой свободы в романе Ф. М. Достоевского “Братья Карамазовы”»);

36. Рябчевский Павел (по кафедре Богословия на тему: «Богословие в России советского периода»);

37. Савельев Максим (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Учение старца Паисия Святогорца о спасении в современном мире»);

38. Семенов Николай (по кафедре Библистики на тему: «Экзегетические исследования богословов конца XIX — начала XX вв. по Страстной Седмице Христа Спасителя»);

39. Смыков Илья (по кафедре Филологии на тему: «Трактат преподобного Григория Синаита “О четырех иерархиях” (по изданию А. Риго)»)¹;

40. Стаганович Евгений (по кафедре Богословия на тему: «Сущность религии (на материале книги И. А. Ильина “Аксиомы религиозного опыта”)»);

41. Стариков Михаил (по кафедре Церковной истории на тему: «Основные течения “обновленческого движения”»);

42. Суходолов Алексей (по кафедре Богословия на тему: «Сотериологическое значение сошествия Христа во ад»);

43. Суходолов Глеб (по кафедре Богословия на тему: «Вопрос о границах Церкви в русском православном богословии XX века»);

44. Тогубицкий Максим (по кафедре Библистики на тему: «Экзегеза Евангельских текстов, посвященных Страстной Седмице Христа Спасителя, в гомилетическом наследии святителя Филарета, митрополита Московского»);

¹ Перевод с древнегреческого и славянский текст трактата «О четырех иерархиях» опубликованы в данном выпуске «Богословского вестника», см. с. 273–308.

45. Целорунго Леонид (по кафедре Церковной истории на тему: «Посещение апостолом Андреем Первозванным Киевских гор в русской историографии»);

46. Чернявка Андрей (по кафедре Библистики на тему: «Архиепископ Аверкий (Таушев) как экзегет Четвероевангелия»);

47. Чистяков Роман (по кафедре Библистики на тему: «Синоптическая проблема: история вопроса и основные пути его разрешения»);

48. Чуриков Александр (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Митрополит Суражский Антоний (Блум) как поповедник»);

49. Шаркеев Виталий (по кафедре Богословия на тему: «Полемика с латинизмом в эпоху исихазма»).

*Успешно защитили дипломные работы выпускники
Сектора заочного отделения и экстерната Академии:*

1. Бондаренко Александр, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История Владимирского собора г. Севастополя»);

2. Бурмистров Дионисий, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «Государственно-церковные отношения в 1929–1939 гг.»);

3. Державин Роман, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Обзор статей по старокатолическому вопросу, опубликованных в журналах духовных академий XIX – начала XX века»);

4. Клименко Григорий, иеромонах (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Успенский Брусенский женский монастырь Московской епархии: история, архитектура, святости»);

5. Лунев Никодим, игумен (по кафедре Церковной истории на тему: «История храмов и монастырей Егорьевского благочиния Московской епархии»);

6. Николин Серафим, иеромонах (по кафедре Церковной истории на тему: «Святитель Тихон, Патриарх Всероссийский, и его отношение к государственной власти: 1917–1925 гг.»);

7. Першев Тихон, иеромонах (по кафедре Богословия на тему: «Влияние христианской этики на формирование современной медицинской деонтологии»);

8. Ткачев Игорь, инок (по кафедре Богословия на тему: «Опыт систематизации нравственно-богословского наследия святителя Филарета, митрополита Московского»);

9. Фатеев Савва, архимандрит (по кафедре Церковной истории на тему: «Земельные владения Саввино-Сторожевского монастыря в 1700–1764 гг.»);

10. Чистяков Александр, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Блез Паскаль и латинская апологетика»);

11. Шитихин Павел (по кафедре Богословия на тему: «Анализ историко-философских взглядов Н. Я. Данилевского»);

12. Юрков Паисий, игумен (по кафедре Церковной истории на тему: «Деятельность великого князя Сергея Александровича Романова на посту председателя Императорского Православного Палестинского Общества (1882–1905)»).

*Защитили диссертации на соискание ученой степени
кандидата богословия выпускники трехгодичной
программы обучения Академии:*

1. Бойович Кирилл, иеромонах (по кафедре Богословия на тему: «Митрополит Петр II Петрович Негош как христианский философ»);

2. Звонарев Сергей, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Органы высшей власти и управления Русской Православной Церкви в период с 1917 по 2000 год»);

3. Неманя Клайич (по кафедре Церковной истории на тему: «Конкордат между Ватиканом и Королевством Югославия и реакция Сербской Православной Церкви»);

4. Писцов Василий, диакон (по кафедре Церковной истории на тему: «Периодические издания и публикации обновленческих групп как источник по истории обновленческого раскола»);

5. Прашчевич Александр (по кафедре Богословия на тему: «Отношения православных и мусульман в Сербии с 1912 по 2004 г.»);

6. Родченко Владимир, диакон (по кафедре Филологии на тему «Генезис и типология современной отечественной церковной периодики»);

7. Шатов Дмитрий (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Старчество валаамских подвижников в XVIII–XIX веках»).

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники Сектора заочного отделения Академии:

Беляев Олег, протоиерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Храмы и монастыри города Симбирска: история, архитектура, святыни»);

Горохов Варлаам, иеромонах (по кафедре Богословия на тему: «Богословский анализ религиозно-философских исследований Мирчи Элиаде»);

Коляда Анатолий, протоиерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История Русской Православной Церкви в Потсдаме в XVIII–XXI вв.»);

Маркевич Августин, архиепископ Львовский и Галицкий (по кафедре Богословия на тему: «Униатство: богословские аспекты»).

ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ НА КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ АКАДЕМИИ²

1.1. ОТЗЫВ доцента ПСТГУ В. И. ПЕТРУШКО на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Архиепископа Львовского и Галицкого АВГУСТИНА (Маркевича)³ по кафедре Богословия на тему: «Униатство: богословские аспекты»

Диссертация архиепископа Львовского и Галицкого Августина «Униатство: богословские аспекты» написана на тему, которая в подобном ракурсе прежде почти не затрагивалась в исследованиях православных авторов. Проблеме унии посвящено значительное число работ, однако большинство из них касается истории Униатской церкви. Комплексное изучение богословских аспектов унии, и прежде всего вопросов, связанных с экклезиологией, до сих пор еще не было предпринято.

Вероятно, это следует связать с определенной самоуспокоенностью, которая сложилась после упразднения униатства в Галиции на Львовском Соборе 1946 года: тогда казалось, что уния ушла в небывшие и больше никогда не возвратится на землю Западной Украины. Однако в конце 1980-х — начале 1990-х годов Униатская церковь здесь вновь возродилась и перешла к агрессивным действиям против Православия. И сегодня деятельность Греко-католической церкви продолжает оставаться фактором, серьезно осложняющим церковную жизнь на Украине. Униатство вновь является камнем преткновения в отношениях между Православной и Католической Церквями, которые в последние полтора десятилетия ухудшились прежде всего именно по причине реставрации Греко-католической церкви на Украине и роста католического прозелитизма на постсоветском пространстве. Несмотря на то, что в последнее время, с началом понтификата Бенедикта XVI, в отношениях между Святым престолом и Московским Патриархатом обозна-

² В номере публикуются отзывы на лучшие кандидатские диссертации, защищенные в Московской духовной академии в 2007/2008 уч. г. Редакционным советом журнала принято решение не публиковать более отзывы на дипломные работы, с которыми можно ознакомиться в библиотеке Московской духовной академии.

³ Выпускник МДА 1982 г.

чили первые признаки потепления, до сих пор нет никаких оснований считать, что взгляд Римской курии на проблему униатства существенно изменился.

Все указанные обстоятельства позволяют говорить об исключительно высокой степени актуальности диссертационного исследования, представленного к защите архиепископом Августином. Особую ценность ему придает то, что автор на протяжении последних пятнадцати лет является правящим архиереем православной Львовской и Галицкой епархии, где последствия деятельности греко-католиков оказались особенно разрушительными. Знакомство владыки Августина с униатством носит не отвлеченно-теоретический характер: проблема унии осмыслена им в результате непосредственного соприкосновения с носителями униатской идеологии и в процессе преодоления разрушительного воздействия греко-католиков на Православную Церковь в западно-украинском регионе.

Тем не менее, несмотря на личный негативный опыт общения с представителями Униатской церкви и высокую степень актуальности (можно даже сказать, злободневности) избранной темы, диссертант показал себя выдержанным и объективным исследователем, способным, отрешившись от эмоций, непредвзято подойти к изучению проблемы с сугубо научной точки зрения.

Диссертация архиепископа Августина представляет собой обстоятельное комплексное исследование богословских аспектов унии. Весьма удачным представляется сочетание в диссертации собственно богословского и исторического подходов. Автор четко сформулировал цель предпринимаемого исследования, определил стоящие перед ним задачи.

Следует отметить широту источниковой базы в диссертации архиепископа Августина. В ходе работы диссертант привлек значительное число документов, опубликованных в католических изданиях, но малоизвестных и ранее не использовавшихся в исследованиях православных авторов, показал умение грамотно применять приемы научной критики этих источников, по сути, впервые вводимых в научный оборот с позиции православного богословия.

Диссертационная работа владыки Августина — фактически первое научное исследование, в котором в богословском аспекте комплексно рассматриваются все факторы, оказавшие влияние на развитие униатства как модели достижения церковного единства, предлагаемой Католической церковью. Именно данным обстоятельством прежде всего определяется высокая степень научной новизны диссертации.

Большое значение, как представляется, имеет и то, что диссертант в своем исследовании впервые подробно и обстоятельно рассмотрел проблему возникновения и дальнейшей исторической трансформации самой идеи унии, показав, что определяющее значение в ее формировании сыграли допущенные Католической Церковью новшества в области вероучения, в первую очередь, учение о папском главенстве в Церкви. Большая ценность исследования владыки Августина также заключается в том, что оно отражает развитие униатской модели в зависимости от различных исторических условий, в которых она применялась Римом. Исключительно интересны наблюдения и выводы диссертанта, отразившие перемены во взгляде на проблему унии, происходившие в Римской курии и обусловившие специфические особенности конкретных церковных уний, которые заключались в различные исторические эпохи.

Среди безусловных достоинств работы также следует отметить то, что диссертация дает адекватное представление о том, как сформировался современный подход Католической церкви к проблеме униатства. В работе отражен тот факт, что униатский вопрос занимает важное место в экуменической стратегии Римской церкви и комплексе православно-католических отношений; показано, что в целом идея унии и сегодня продолжает оставаться основой господствующих в Ватикане представлений о достижении церковного единства.

Пожалуй, впервые в православной литературе, посвященной проблеме унии, владыка Августин затрагивает вопрос поиска идентичности современной Греко-католической церковью и доказывает полную несостоятельность представления об униатстве как некоей самостоятельной церковной традиции, «духовном мосте между Востоком и Западом».

Говоря об обоснованности и достоверности выводов, к которым приходит в своем диссертационном исследовании архиепископ Августин,

следует подчеркнуть, что они формулируются на основе обширной источниковой и историографической базы, которая подвергнута автором обстоятельному и убедительному критическому анализу. Необходимо отметить четкую последовательность и логичность заключений, которые делает в своей работе диссертант. Их обоснованность и научная добросовестность не вызывают никаких сомнений.

Диссертация владыки Августина, являясь впервые предпринимаемой попыткой рассмотрения проблемы униатства в богословском аспекте, несомненно, имеет большую научную ценность. В то же время значение данной работы выходит далеко за рамки чисто научного исследования, поскольку ее основные положения и результаты, вне всякого сомнения, могут и должны быть использованы в ходе дальнейшего православно-католического диалога, невозможного без обращения к теме униатства. По этой причине считаю целесообразным издание монографии на основе данного диссертационного исследования.

Давая безусловно позитивную оценку диссертации архиепископа Августина, нельзя вместе с тем не отметить и некоторые ее недостатки, впрочем, весьма незначительные. В частности, некоторую неудовлетворенность вызывает отсутствие в работе специального раздела, содержащего характеристику источников, использованных в исследовании. Впрочем, описание документов, анализ которых был предпринят автором в диссертации, присутствует в разделе «Степень изученности темы».

Также представляется, что обширный раздел диссертации, описывающий прозелитическую деятельность униатского митрополита Андрея Шептицкого, несколько выпадает из общего контекста исследования. И хотя мне лестно, что владыка Августин при написании данного раздела использовал ряд опубликованных мною статей по истории Униатской церкви в XX столетии, все же не могу не отметить, что раздел, посвященный Шептицкому, будучи сугубо историческим по содержанию, до некоторой степени диссонирует с другими главами диссертации, где преобладает собственно богословская тематика. Безусловно, материал, приводимый в упомянутом разделе, необходим как иллюстрация приверженности Рима униатской идее в новейший период истории. Однако думается, что объем этой части исследования мог бы

быть сокращен, дабы не создавать диспропорцию между богословской и церковно-исторической составляющими диссертации.

Можно также отметить ряд встречаемых в работе опечаток, появление которых, впрочем, вполне извинительно, поскольку диссертант в последние полтора десятилетия находится в украиноязычной среде, что порождает определенные трудности при написании текста на русском языке.

Хочу оговориться, что данные замечания не имеют принципиального характера и нисколько не снижают ценности представленной к защите архиепископом Августином диссертационной работы, которая, вне всякого сомнения, заслуживает положительной оценки.

Структура и объем диссертации и автореферата, а также их оформление полностью соответствуют требованиям, которые предъявляются к работам, представляемым на соискание ученой степени кандидата богословия.

Полагаю, что архиепископ Львовский и Галицкий Августин (Маркевич) показал себя глубоким профессиональным исследователем-богословом, безусловно, достойным присуждения искомой ученой степени кандидата богословия.

1.2. ОТЗЫВ профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Архиепископа Львовского и Галицкого АВГУСТИНА (Маркевича) по кафедре Богословия на тему: «Униатство: богословские аспекты»

Кандидатская диссертация архиепископа Августина «Униатство: богословские аспекты», объемом 240 страниц, состоит из Введения, пяти глав: «Католицизм — основа идеологии униатства», «Формирование и развитие униатства как католической модели достижения церковного единства», «Униатство — основа католических представлений о достижении церковного единства в XIX в. — середине XX в.», «Униатство как основное содержание экуменической деятельности Католической церкви во 2-й половине XX — начале XXI в.», «Про-

блема поиска идентичности в униатстве» — и *Заключения*. Список использованных источников и литературы включает 21 наименование под рубрикой «Источники» и 212 наименований под рубрикой «Литература» на русском, украинском, английском, немецком, французском и польском языках.

Диссертация представляет собой фундаментальный труд, актуальность которого очевидна. До сих пор выходили работы, посвященные либо исключительно истории Греко-католической церкви, либо статьи полемического характера. Новизна представленной диссертации в том, что история Униатской церкви представлена в ней в связи с углубленным анализом католической экклезиологии, составившей предмет для выработки униатской модели достижения церковного единства.

Значительную ценность представляет также включенный в рецензированную работу очерк своего рода униатско-латинских епархий с восточным обрядом в государствах на Сицилии, в южной Италии, на Крите.

Направленность работы, ее основные идеи выражают уже приведенные здесь названия глав.

Пронумерованные выводы автора диссертации не вызывают возражений...

[Приведем ряд замечаний.] На с. 179 без достаточных оснований говорится о фактическом разрыве отношений между Римом и Константинополем в два столетия, предшествовавшие разрыву 1054 г.

На с. 203 утверждается, что Ватикан в отношениях с другими Церквями готов проявлять большую гибкость, но требует, однако, в качестве условия воссоединения признание примата Рима. Но проблема заключается не столько в примате как таковом, сколько в далеко идущих выводах, которые делаются на основе примата о правах на вселенскую юрисдикцию, не вытекающую, с православной точки зрения, из примата, будь то примат Рима или примат Константинополя.

Есть еще замечания относительно фразеологии диссертации. Так, представляется неуместной, хотя и по-своему меткой, характеристика унии как явления «химерного» (с. 206). В прямом значении это слово употребляют в химии, диссертант же употребляет специфический тер-

мин Л. Н. Гумилева, в то время как общеупотребляемые значения этого слова — как буквальные, так и переносные — не имеют отношения к унии.

Несмотря на некоторые недочеты, рецензируемый труд целесообразно опубликовать, а его автор вполне заслуживает присвоения ему степени кандидата богословских наук.

2.1. ОТЗЫВ преподавателя священника Александра ЗАДОРНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2007/2008 уч. г. священника Сергия ЗВОНАРЕВА по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Органы высшей власти и управления Русской Православной Церкви в период с 1917 по 2000 год»

История высшего управления в Русской Православной Церкви является одним из самых досадных пробелов не только в русской исторической науке в целом, но и в каноническом аспекте ее освещения. Тем больше ожидает читатель работы по истории органов высшей власти и управления Русской Православной Церкви в новый патриарший период (с 1917 по 2000 год).

Ожидания эти, в целом оправданные автором, тем не менее натываются на ряд недоумений, связанных со сферой выражения автором собственного взгляда на эту историю. Две терминологические неточности сразу же бросаются в глаза. Священный Собор Православной Российской Церкви (вариант — «Всероссийский церковный собор») 1917–1918 гг. автором упорно называется «Всероссийским Поместным Собором» и даже просто «Поместным собором». Тем же образом ныне действующий «Устав Русской Православной Церкви», принятый на Архиерейском Соборе 2000 года, называется «редакцией Устава» — видимо, принятого в 1988 году.

Еще три историко-канонических момента, затрагиваемых в работе, хотелось бы видеть выраженными в тексте более ясно и отчетливо.

Автор пишет следующее (с. 98): «Каноническое основание власти первого епископа Поместной Церкви, который зависим в решении общецерковных дел от мнения и позиции Собора епископов Поместной

Церкви, можно найти в 34-м Апостольском правиле и 9-м правиле Антиохийского Собора». После этого автор приводит комментарии еп. Никодима (Милаша) и С. Сушкова, видевших в этом правиле обоснование «единоначалия в каждой поместной части Церкви». Здесь было бы уместно напомнить о несомненно знакомой автору работы полемике в русской канонической науке о понимании самой этой «поместной части».

Так, Николай Заозерский указывал, что путем терминологической подмены («народ» на «область», «первый (епископ)» на «митрополит») недобросовестные интерпретаторы «решительно заявляют, что 34-е правило говорит о митрополитской системе церковного устройства, введенной, кстати сказать, только Первым Вселенским Собором»⁴. Из древних толкователей один лишь Зонара придерживался тождества понятий первого епископа (Апостольское правило 34) и митрополита (I Вселенский Собор). Кроме того, приверженцы такой интерпретации невольно придерживаются римско-католической канонической теории о примате папы.

Заозерский делает важную оговорку: в основу церковной территориальной автономии полагается национальность, что и выражается понятием «этнос»: «Такой способ обозначения пределов самоуправляющейся Церкви есть исключительная особенность рассматриваемого правила в ряду греческих правил целой эпохи Вселенских Соборов»⁵. Разница видится Заозерским в том, что апостольское правило говорит о приспособлении церковного устройства к этническому, а правила Вселенских Соборов — о приспособлении к политическому делению Римской (Византийской) империи.

И лишь последующие канонические нормы (см.: 1 Всел. 15; 2 Всел. 2; 3 Всел. 8; 4 Всел. 5; 6 Всел. 17; Анк. 13; Антиох. 13 и 22; Сардик. 3 и 15; Карф. 59 и 65) относятся уже не к этническому, но к политическому делению империи именно эпохи Вселенских Соборов. Полезно было бы разобрать этот вопрос в главе, посвященной статусу Патриарха и его полномочиям в Русской Церкви.

⁴ Заозерский 1907. С. 771.

⁵ Там же. С. 773–774.

Другой вопрос — о статусе Местоблюстителя и канонической обоснованности самого этого института, рассмотренный в главе «7.1. Органы высшей власти и управления Русской Церкви в период с 1918 по 1943 г.» (с. 176—197). Эта глава представляется одной из лучших в работе, однако она выглядела бы куда полнее, если бы автор осветил исторические прецеденты института Местоблюстительства. Текст работы говорит лишь о каноническом запрете епископу назначать преемника на собственной кафедре. Нет оснований говорить о существовании этой должности в Русской Церкви до XX столетия, ибо в петровскую эпоху ни в каких документах этот титул не усваивается знаменитому митрополиту Рязанскому Стефану Яворскому⁶.

И наконец, более развернутой аргументации требует утверждение автора о том, что «по спорному мнению ряда архиереев РПЦЗ, это решение (указ № 362 Синода и Высшего Церковного Совета) стало одним из оснований создания в 1921 г. “Русским Всеаграничным Церковным Собором” в Сремских Карловцах высшего церковного управления, претендовавшего на возглавление церковной жизни всего русского зарубежья» (с. 178).

На самом деле здесь мы сталкиваемся не просто со «спорным мнением ряда архиереев РПЦЗ», но и с чисто юридическим действием. Постановление Святейшего Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Российской Церкви от 7/20 ноября 1920 г. за № 362 дважды упоминается в «Положении о РПЦЗ» от 5 июня 1964 года. В первый раз — как каноническая основа существования временно самоуправляющейся на соборных началах, до упразднения в России безбожной власти, неразрывной части поместной Российской Православной Церкви, а в п. 2 упоминается наряду с «церковными законами, правилами и благочестивыми обычаями Поместной Российской Православной Церкви», которыми руководствуется «Русская Православная Церковь за границей в своей внутренней жизни и управлении». Слова о временном самоуправлении, безусловно, должны были свидетельствовать о намерении РПЦЗ сообразо-

⁶ См. публикации В. Живова по данной теме (Живов 2004).

вываться с Постановлением № 362. Имело бы смысл отразить этот статус Постановления для РПЦЗ в тексте работы.

Несмотря на высказанные замечания, работа выполнена на достойном научном уровне, и закономерным ее итогом станет присуждение автору искомой степени.

2.2. ОТЗЫВ преподавателя ПСТГУ КОСТРЮКОВА А. А. на кандидатскую диссертацию выпускника МДА 2007/2008 уч. г. священника Сергея ЗВОНАРЕВА по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Органы высшей власти и управления Русской Православной Церкви в период с 1917 по 2000 год»

Диссертационное исследование священника Сергея Звонарева посвящено теме, имеющей научный и практический интерес по причине того, что вопрос об организации высшей власти в Русской Церкви после 1917 года до сих пор не был освещен в специальном исследовании. Вопрос о том, как формировались органы церковной власти в XX веке, хотя и затрагивался в отдельных трудах, однако не стал объектом комплексного анализа и не был представлен в виде самостоятельного труда. Автору удалось рассмотреть данный период, тщательно выбрав из имеющихся в его распоряжении материалов то важное, что и позволило ему написать научный труд.

Период, рассмотренный автором диссертации, бесспорно интересен своей уникальностью. Ни одна Поместная Церковь не подвергалась столь страшным гонениям, какие претерпела Русская Церковь в XX веке. И вопрос о формировании управленческих структур Церкви в период гонений представляется довольно интересным.

Автор диссертации привел множество важных документов, некоторые из них впервые ввел в научный оборот, что, конечно же, принесет большую пользу церковно-исторической науке. Представляется важным тот факт, что священник С. Звонарев постарался вдумчиво изучить материалы Поместного Собора 1917–1918 годов. Можно сказать, что эта часть работы представляется в историческом плане наиболее ценной.

При этом работа не лишена некоторых недостатков и неточностей, о которых хотелось бы сказать особо.

Так, на с. 25 со ссылкой на книгу священника Георгия Ореханова «На пути к Собору: Церковные реформы и первая русская революция» (М., 2002) соискатель говорит о положительном отношении митрополита Флавиана (Городецкого) и архиепископа Антония (Храповицкого) к участию мирян в планировавшемся Соборе. На самом деле в книге «На пути к Собору» говорится о прямо противоположном. Однако здесь мы, по-видимому, имеем дело не с ошибкой, допущенной автором, а с опечаткой, так как он сам ниже говорит о том, что мнение указанных архипастырей было другим.

Небольшая неточность допущена в работе и в отношении Зарубежного Высшего Церковного Управления. Согласно диссертации, ВВЦУ на юге России прекратило существование после избрания «в Сремских Карловцах ВВЦУ во главе с митрополитом Антонием» (с. 179). На самом деле ВВЦУ на юге России продолжало деятельность за рубежом, хотя уже не осознавало себя как «ВВЦУ на юге России». В июне 1921 г., в Константинополе, а не в Сремских Карловцах, за полгода до Карловацкого Собора, оно уже стало именоваться Зарубежным Высшим Церковным Управлением⁷. Однако данную неточность оппонент вполне объясняет малой степенью изученности положения Зарубежного ВЦУ в первые месяцы после эмиграции.

Представляется неверным отрицание автором диссертации факта прямого влияния ОГПУ на поступки митрополита (впоследствии Патриарха) Сергия (с. 196–197), хотя это влияние в настоящее время подтверждено документально. Не отрицая тяжелейшей ситуации, в которой оказался будущий Патриарх, нисколько не осуждая его, исследователь все-таки не должен закрывать глаза на очевидное.

Однако данные недочеты лежат на периферии исследования и не влияют на его суть. Но есть в работе недоработки и более существенные, о которых также следует сказать особо.

Так, в диссертации можно было бы сказать о попытках тайных выборов Патриарха в середине 1930-х годов, тем более что статья на эту

⁷ Беляева 1998. С. 45.

тему была опубликована в таком общеизвестном издании, как «Журнал Московской Патриархии»⁸.

Работу украсило бы и упоминание автором мнений архиепископа Ермогена (Голубева), которые он высказывал относительно приходского управления, избрания Патриарха и поставления архиереев в 1960-е годы⁹.

Не везде автор уделяет должное внимание промежуточным выводам. После некоторых глав они и вовсе отсутствуют. Кроме того, выводы должны быть самостоятельными и не включать в себя чужих выводов, что в работе имеет место (с. 175—176).

Однако данные недочеты все же не перевешивают достоинств данной работы, которая читается с большим интересом, и не могут существенно повлиять на ее оценку. Священник С. Звонарев предпринял серьезный и довольно тяжелый труд, который, как нам представляется, увенчался успехом.

По мнению оппонента, работа вполне может претендовать на то, чтобы именоваться серьезным научным трудом. Плодотворная работа автора в архивах, как и его стремление дать анализ развития органов церковной власти в России, вполне позволяет сделать вывод, что высказанные выше замечания не могут принципиально повлиять на общую оценку диссертации. Эта оценка вполне может быть высокой, а автор диссертации заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата богословия.

3.1. Отзыв профессора протоиерея Максима КОЗЛОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2007/2008 уч. г. иеромонаха ВАРЛААМА (Горохова) по кафедре Богословия на тему: «Религиоведческая проблематика Мирчи Элиаде»

Диссертационная работа иеромонаха Варлаама (Горохова), посвященная исследовательской концепции и трудам румынского религиоведа Мирчи Элиаде, представляет безусловный научный интерес в

⁸ Мазырин А., свящ. 2007.

⁹ Цыпин В., прот. 1997. С. 410.

нескольких аспектах. Прежде всего, впервые в отечественной науке предложен комплексный взгляд на фигуру крупного западного ученого, внесшего весомый вклад в развитие мировой религиозноведческой мысли, дана общая обзорная характеристика теоретических разработок, спецификации научных идей М. Элиаде и их места и роли в изучении религии. Автор сделал попытку описать и дать целостный анализ научной концепции М. Элиаде, ее взаимосвязи с современными румынскому ученому гуманитарными идеями, а также анализ ее оценки и критики со стороны других исследователей; и его замысел в целом можно считать удавшимся. В этом плане диссертационную работу можно расценить как вклад в современное развитие не только православного богословия, но и религиозноведческой науки в России. Особенно замечательно то, что первое отечественное исследование творчества М. Элиаде, предлагаемое светскому ученому сообществу со стороны московских духовных школ, может рассматриваться с религиозноведческих позиций.

Очевидна также актуальность априорно выбранной автором спецификации научного подхода к теориям М. Элиаде, которая обусловлена характером научной специальности. Комплексный анализ идей именитого западного теоретика религиоведения, чья научная парадигма, в конечном счете, имеет секулярный характер, сопровождается их оценкой с точки зрения православного богословия. В работе дается богословское осмысление и личности М. Элиаде как ученого, и основных положений его концепции, введенных им терминов, научных инструментов и методов. В данном случае не вызывает сомнений, что теологические исследования религиозноведческих теорий и деятельности светских позитивистских школ, оказавших серьезное влияние на науку, весьма важны. Можно сказать, что исследования подобного рода укрепляют идентичность отечественного богословия, делают его более «конкурентоспособным» в диалоге с западным методологическим агностицизмом, доказывая правомерность конфессионального акцента в религиозноведческом анализе.

Диссертант, таким образом, осуществил двоякую работу: представил законченное видение религиозноведческих идей М. Элиаде и предложил их критическое теологическое осмысление. В целом ему удалось избежать предвзятости в описании рассматриваемой научной кон-

цепции и в то же время дать авторскую оценку объекту и предмету исследования. Достоинством работы является то, что она не лишена авторского видения, чувствуется неравнодушие самого исследователя к анализу поставленных проблем, его открытость к дальнейшей научной дискуссии и рефлексии. Интересна данная автором картина научных трудов, посвященных религиоведу, заметны ее структурированность и проработанность. Также диссертант, описывая различные аспекты концепции М. Элиаде, сопровождает их личными выводами относительно их научной значимости, самобытности, законченности и отражения на развитии религиоведения, к примеру, описывая герменевтический метод М. Элиаде, недостатки его феноменологического подхода, взаимосвязь идей М. Элиаде и Петтаццони в определении роли религии в экзистенциальном кризисе человека. Даже если отдельные выводы диссертанта могут показаться другим религиоведам дискуссионными, сам факт их наличия хорошо характеризует работу.

Наиболее интересной и оригинальной частью диссертации видится последняя глава про апологетическое значение религиоведческих исследований М. Элиаде, в которой автор компилирует воедино, в достаточно четкую схему собственные выводы о соответствии либо противоречии идей румынского религиоведа православному богословию. Данная глава может рассматриваться как самое ценное ядро всей диссертации, с точки зрения отечественной теологической науки. Автор весьма подробно и непредвзято рассматривает весь свод идей, понятий и научных решений М. Элиаде сквозь призму православной, святоотеческой догматики и убедительно доказывает апологетическую ценность некоторых. Нельзя не согласиться с автором в том, что такой анализ концепции М. Элиаде, мирового ученого, декларировавшего свою оторванность от родной ему православной традиции, тем не менее может быть «использован православной апологетикой против позитивизма в религиоведении Запада» (с. 143). Подобный анализ, как отмечалось, может служить хорошим подспорьем в диалоге развивающейся отечественной богословской науки с западной теологией и общественным сознанием.

Аналогичным образом полезны и предупредительные выводы диссертанта о некоторых положениях в теории М. Элиаде, идущих враз-

рез с православным научным мироощущением. Автор прямо и неоднократно указывает в работе на причину этого расхождения — личное отсутствие интереса ученого к Православию, сосредоточенность и глубокое знакомство с восточными духовно-философскими школами при равнодушии и, в общем, сравнительно слабом знании сокровищницы святоотеческой мысли. Важным и во многих смыслах актуальным является критический анализ концепции нового гуманизма М. Элиаде, а также выявление внехристианской гностической основы его идей, верно определенных автором как «новая философия постмодернизма».

Между тем некоторые моменты диссертационной работы могут быть оговорены в виде пожеланий и рекомендаций. Обратной стороной главного преимущества исследования — полноценного охвата всего научного наследия М. Элиаде, комплексного взгляда на его концепцию — стало то, что отдельные выводы в работе обозначены лишь базово, схематично, носят недосказанный характер. К примеру, в главе об онтологии Сакрального лишь упомянуто, без разъяснений, соответствие построений М. Элиаде неоплатонизму и системам гностиков, тогда как здесь был бы интересен столь же емкий и четкий анализ, какой сделал автор, сравнивая соотношение взглядов религиоведа с индийской философией. Также не до конца ясен тезис о том, что М. Элиаде действовал «не совсем правильно», осмысливая универсальный опыт Сакрального. Местами в работе ожидаемые авторские выводы заменены большими цитатами из М. Элиаде и выдержками из работ других мыслителей (в частности, в главе про анализ исторических религий). Весьма смелым, резким и неоднозначным может показаться краткий тезис диссертанта о заведомой популярности ислама в современном «инфантильном мире шаблонов и стандартов». Однако высказанные замечания должны рассматриваться не как препятствие на пути одобрительной оценки диссертации, но как пожелания для их разъяснения и уточнения в будущих научных разработках автора. С учетом того, что диссертант в целом решил ряд весьма амбициозных задач, написав первое российское комплексное исследование по М. Элиаде и включив в него богословский анализ, локальная недосказанность и схематичность заключений вполне допустима.

В целом можно заключить, что работа иеромонаха Варлаама (Горохова), представленная к защите, носит законченный характер. Диссертант внес рекомендованные ранее изменения и учел замечания, высказанные в ходе обсуждения работы. Иеромонах Варлаам достоин степени кандидата богословия за отличную работу.

3.2. ОТЗЫВ профессора А. Б. ЗУБОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2007/2008 уч. г. иеромонаха ВАРЛААМА (Горохова) по кафедре Богословия на тему: «Религиоведческая проблематика Мирчи Элиаде»

Обращение к современному религиоведению богословов Русской Православной Церкви весьма знаменательно. До недавнего прошлого религиоведение и богословие развивались у нас, не замечая друг друга. Вернее, если быть точным, внутри России плохо было и богословию, и религиоведению, а в Русском Зарубежье богословы внимательно следили за новинками религиоведения (Василий Зеньковский, Сергей Булгаков, Александр Шмеман, во внутренней эмиграции — Павел Флоренский), а религиоведы (их было немного) соотнобили свои исследования с православным богословием, так как сами были культурными православными христианами (Александр Пьянков, Николай Арсеньев, Борис Вышеславцев).

Работа иеромонаха Варлаама (Горохова) является, сколь мне известно, чуть ли не первым богословским исследованием научных взглядов Мирчи Элиаде — крупнейшего религиоведа XX столетия, создавшего очень перспективное научное направление, получившее, по принятому М. Элиаде и его учениками методу, имя историко-феноменологической или, по месту работы ученого, Чикагской школы религиоведения. Как верно указано в работе, многие теоретические выводы религиоведения М. Элиаде, построенные на анализе бескрайнего фактического материала, существенно подтверждают умозрительные выводы богословия в области происхождения и бытования религии. Поэтому выбор темы работы важен и более чем своевременен для апологетического богословия.

Диссертант внимательно рассматривает жизненный путь Мирчи Элиаде, который особенно интересен для нас тем, что ученый, рожденный в Румынии и до начала Второй мировой войны входивший в религиозное националистическое румынское движение, никогда не переставал считать себя христианином. Он и умер как христианин, призвав священника для совершения последних священнодействий. При этом, как верно подчеркивает диссертант, долгие годы занятий индийской религиозной мыслью развили в нем любовь и симпатию к южноазиатскому строю религиозного сознания, а многолетние занятия архаичными религиями дали Элиаде понимание смыслов первобытных и доисторических религиозных воззрений и практик. Тем не менее, на мой взгляд, диссертант слишком прямолинейно утверждает, что архаические религии и мир индийской духовной мысли субъективно ближе Элиаде, чем Православие. Ссылка (с. 143) на запись в дневниках Александра Шмемана¹⁰ не может считаться доказательством. При всей своей исключительной одаренности (быть может, даже гениальности) протоиерей Александр Шмеман часто очень субъективен и порой неглубок в оценках, особенно в дневнике. Заключение диссертанта о том, что «отсутствие интереса к Православию стало причиной расхождения философии религии Элиаде с христианским миропониманием» (с. 143–144), вряд ли можно считать справедливым. Хотя сам Элиаде не раз скромно говорил, что верит в Бога с простотой румынского крестьянина, упрек ему в «плохом знании богословия собственной религиозной христианской традиции, в которой он родился», несправедлив. Достаточно прочесть разделы 257, 302, 303 финальной работы ученого — «История религиозных идей» (1985 г.) (в русском издании — «История веры и религиозных идей»), чтобы увидеть, что Мирча Элиаде дает глубокий и совершенно точный анализ православного миропонимания и демонстрирует отличное знание отцов Церкви и научной литературы, например, по православной антропологии и исихазму. Вряд ли такое было бы возможно при отсутствии интереса и тем более понимания темы. Иное дело, был ли Мирча Элиаде убежденным православным христианином, можно ли его веру считать вполне право-

¹⁰ Александр Шмеман, прот. Дневники: 1973–1983. М., 2009. С. 538.

славной? Но этот вопрос, в любом случае, выходит за пределы темы диссертации.

Правилен и глубок разбор иеромонахом Варлаамом сущности историко-феноменологического метода М. Элиаде. Диссертант приходит к выводу, что метод Элиаде «может быть, безусловно, осмыслен нами как позитивный вклад в религиоведение, так как рассматривает религию в качестве уникального явления, которое влияет непосредственно на жизненные установки религиозного человека, и именно в религиозном переживании жизни видит корни значимости религиозного опыта» (с. 54). Автор подчеркивает важность для христианской апологетики доказательного разрушения Чикагской школой методов редукционизма и эволюционизма, главенствовавших в религиоведении до Мирчи Элиаде. При этом огромное значение, по мнению диссертанта, имеет и историзм феноменологии Чикагской школы. Религиозные явления рассматриваются Элиаде и его последователями в историческом контексте, но не выводятся из внешней истории. История религиозных идей имеет свой ритм, свою внутреннюю закономерность.

К весьма положительным выводам диссертации можно отнести результат сравнения воззрений М. Элиаде с учениями его друга — видного психолога Карла-Густава Юнга. Иеромонах Варлаам умело проводит различие между коллективным бессознательным Юнга и сверхсознанием Мирчи Элиаде, показывая существенно более приемлемый для христианского мировидения метод анализа священного в системе сверхсознания (с. 133). При этом диссертант справедливо указывает, что и Юнг, и Элиаде вносят большой положительный вклад в христианскую апологетику, подчеркивая, что вера — элемент в структуре человеческого сознания, а не стадия его развития (с. 83–84). Стадия, понятно, может и должна быть пройдена, а элемент есть часть органической структуры и поэтому без ущерба для целого не может быть исключен из него.

Высоко оценивая общий уровень представленной диссертации иеромонаха Варлаама, я тем не менее считаю необходимым указать и на некоторые моменты работы, с которыми я не согласился бы.

Главным методологическим недостатком диссертации является непонимание сущностной разницы между научным религиоведением и

основным богословием. Богословие по определению имеет предметом размышления Бога и действие Бога в сотворенном Им мире. Для богослова личная вера, причем вера конфессионально определенная, — совершенно необходимый и основной момент исследования (вспомним хрестоматийное: кто чисто молится, тот и богослов). Для религиоведа все иначе. Предметом религиоведа является не Бог, а человеческая вера в «священное». Феномен веры в различных исторических и культурных контекстах — вот изучением чего занимаются Мирча Элиаде и его коллеги. Понятно, что для религиоведческих исследований личная вера желательна, но не обязательна, а конфессиональный аспект веры, если он проявляется в исследовании, просто очень опасен, так как может исказить чуждые формы религиозного опыта привнесением своего, приводить и к неоправданным стилизациям чужого под свое, и к неоправданным противопоставлениям «правильного» своего «неправильному» чуждому.

Так, диссертант ставит в упрек М. Элиаде, что религиовед не проводит принципиальной разницы между чурингой австралийца и боговоплощением Логоса в христианстве, не видит различия между человеческим жертвоприношением у ацтеков и жертвой быков и овнов в ветхозаветной религии, да и вольной смертью Господа Иисуса. Однако религиовед не отвечает на вопрос, хорош или плох тот или иной обряд, то или иное верование. Он должен отвечать на совершенно иные вопросы: какое место занимает тот или иной феномен в религиозном сознании исследуемой культуры, как этот феномен сложился, с какими иными явлениями взаимодействует, какие субъективные (для данного общества) задачи реализует и, наконец, как соотносится он с близкими формами иных традиций. С точки зрения христианина, да и вообще человека со здоровой психикой, принесение людей в жертву, тем более в жертву невольную, — большая гадость. Но для религиоведа важен ответ не на вопрос: хорошо или плохо, а на вопросы: почему, для чего и как. Именно так (и при этом безо всякого одобрения) рассказывает Мирча Элиаде о феномене человеческих жертвоприношений в своих «Очерках сравнительного религиоведения» (гл. IX, § 130–132). Это методологическое различие в богословских работах, касающихся науки религиоведения, надо строго соблюдать.

Я бы не стал утверждать, что грехопадение и забвение и, соответственно, очищение от греха и припоминание есть категории, находящиеся в контрадикции (с. 69). Скорее, забвение своего первоначального достоинства — результат грехопадения, а припоминание того, чем является человек изначально, — это начало восстановления. М. Элиаде не раз подчеркивал, что в одних и тех же религиозных формах разные традиции делают ударение на разных моментах, не исключая при этом иные, а только отодвигая их в тень. Так происходит, на мой взгляд, и в этом случае.

М. Элиаде не противопоставляет веру бессознательную вере сознательной, не отрицает ценность второй. Это — фактическая ошибка (с. 86). Но сознательная вера есть всегда, по Элиаде, вторичная рефлексия бессознательного переживания «священного», трепета перед ним. Здесь он — продолжатель Р. Отто. Кстати, о «священном». Элиаде использует этот и подобные термины вместо слова «Бог» по очень простой причине. «Священное» шире личного Бога. В шаманизме, например, объектами религиозного устремления являются духи, с ними связывает себя шаман, но от этого шаманизм не перестает быть религиозной практикой.

Также нельзя согласиться с тем, что (с. 81) личная свобода, ответственность и активность отдельного человека сведены в религиоведении М. Элиаде практически к нулю. Там, где свобода личности ясно утверждается верой (Древний Египет, зороастризм, христианство), там ее фиксирует и Элиаде. Он находит свободу даже в архаических ритуалах, сопоставляя, например, строителей мегалитических сооружений с живущими рядом немегалитическими сообществами.

Кое в чем диссертант излишне превозносит Элиаде и его труд (с. 27). Так, он утверждает, что изданная М. Элиаде 16-томная «История Религий» не имеет аналогов в мировом религиоведении. Но изданная в первой трети XX века энциклопедия «Религии и этики» Хастингса по многим параметрам превосходит издание под редакцией Элиаде 1986 года. Также учебная антология религиозных текстов имеет ряд предшественниц, в том числе и знаменитое фундаментальное издание Притчарда «Древние передневозвосточные тексты, имеющие отношение к Ветхому Завету».

Утверждение, что душа и атман — это одно и то же (с. 64), фактически совершенно неверно, при этом диссертант благоразумно не пускается в размышления о том, что такое «душа». В этом море очень непросто добраться до берега.

Фактически неверны, как уже отмечалось, утверждения, что Элиаде «пленен монизмом Индии», что в его схемах нет дуализма (человек — Бог) и теозиса. Схемы Элиаде — не богословские схемы, а религиозоведческие, и где материал позволяет и заставляет говорить о теозисе и дуализме (западные формы религиозности), там Элиаде делает это очень хорошо. Также неверны утверждения, что в своих воззрениях Элиаде выносит Абсолют «за пределы добра и зла» (с. 147–148). Элиаде на индийском и китайском материале объясняет, что значит Брахман=Дао за пределами добра и зла, но он же подчеркивает принципиальную соединенность Бога с категорией блага у большинства христианских богословов или в зороастризме.

Методически я бы не стал ставить в один ряд апостола Павла и свт. Феофана Затворника в богословском анализе религиоведа-феноменолога. Для православного богослова это естественное соединение, но для религиоведа — невозможное, так как эти христианские авторы творили в совершенно различные эпохи и в совершенно несходных культурных контекстах. Один — аргумент в раннем христианстве, другой — в русском Православии конца XIX века.

Наконец, диссертант совершенно не вошел в сущность размышлений Мирчи Элиаде о «новом гуманизме». В новом гуманизме М. Элиаде совершенно нет желания слить вместе все религии, осуществить «конвергенцию вер» и тем самым «приблизить царство антихриста» (с. 152). Антихрист для Элиаде как ученого — только объект исследования (представления об антихристе), а новый гуманизм, открывающийся в религиоведении, — это возможность увидеть общее или оценить глубину своеобразия, особенного в различных традициях и культурах веры, и тем самым «гуманизировать» другого, превратить его в человека и носителя сокровища пусть не сходной с твоей собственной, но веры. Сам Элиаде так пишет об этом как раз в главе «новый гуманизм» в книге «Ностальгия по истокам»: «Более

чем какая-либо другая наука о человеке (т.е. больше чем психология, антропология, социология) история религии может проложить путь философской антропологии, так как сакральное является универсальным измерением и, как мы увидим дальше, истоки культуры уходят в религиозный опыт и религиозную веру». Науки о человеке должны сближать людей, раскрывать их друг другу на большую глубину, а отнюдь не сливать в бесформенную массу. Мирча Элиаде, сам знаток и ценитель каждой своеобразной детали любой, даже самой малоизвестной человеческой общности (каких-нибудь огнеземельских аборигенов или обитателей тропических лесов Кatanги), никогда бы не позволил себе мечтать о единой религии человечества, а тем более стилизовать свои научные исследования истории религии под некое умозрительное единство «правильной» веры.

Но все эти замечания и пожелания ни в малой степени не отрицают значимости проделанной иеромонахом Варлаамом (Гороховым) работы, и, на мой взгляд, представленный текст диссертации вполне заслуживает присуждения ее автору искомой ученой степени кандидата богословия.

4.1. ОТЗЫВ епископа АФАНАСИЯ (Евтича) на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2007/2008 уч. г. иеромонаха КИРИЛЛА (Бойовича) по кафедре Богословия на тему: «Митрополит Петр II Петрович Негош как христианский философ»

Работа написана подробно и обстоятельно, со знанием источников и практически всей основной литературы по данной теме.

Работа содержит, кроме предисловия и введения, четыре главы, заключение, библиографию и приложение. Главы 1 и 2 дают исторически-духовный контекст (гл. 1) и развернутое описание жизни Негоша (гл. 2), составляя почти половину работы. (Исходя из этого, можно было бы назвать работу «Негош и его христианская философия», однако от этого работа не теряет своего подлинно научного достоинства, ибо автор правильно подчеркнул «важность исторического аспекта изучения

личности и творчества», ссылаясь при этом на о. Иоанна Мейендорфа (с. 11). В главах 3 и 4 рассматриваются поэзия и религиозно-философские взгляды Негоша (глава 3, самая обширная и важная) и его эстетика и этика (глава 4). Заключение — с краткими итогами — занимает всего пять страниц (можно было бы ожидать более пространных выводов). Список литературы разделен на русскоязычные и сербскоязычные издания, но не приводится литература на иностранных языках, цитируемая в работе, как и упомянутые в работе переводы Негоша на английский, французский, немецкий, польский, итальянский, японский языки.

Кандидат уже в начале работы подчеркивает, что Негош в своих творениях «говорит о самых существенных проблемах человеческой экзистенции», что «его философия основана на философии христианской» и что «философия его согласуется со святоотеческим учением и в своей цельности приводит к учению Богочеловека Христа» (с. 10, 11, 13). Кроме того, верно отмечено, что Негошу присуще «литургическое понимание мира и жизни» и времени (с. 14, 205). И в этом смысле Негош проявляет «цельность славянского (= православного) духа» (с. 20). Несомненно, что Владыка Петр II, как и его дядя св. Петр I, был глубоко привержен Православию всем своим бытием и ориентирован своею мыслью ко Христу Богу и Спасителю¹¹.

Но Негош был поэтом, и кандидат хорошо и наглядно показывает это в своей работе, которая иногда написана тоже с поэтическим вдохновением, что неплохо, но этого недостаточно, и это может иногда нанести ущерб научному подходу к философии Негоша, особенно если при этом автор сближает (если не смешивает) данную философию с теологией. Автор стремится показать, что Негош как христианский философ, следующий путем святых отцов, был в то же время и святоотеческим богословом — тезис, который вряд ли можно легко доказать. Нужно знать, что Негош не учился богословию, кроме «богословия

¹¹ Автор не приводит очень интересное письмо Негоша князю Сербии Милошу (3.8.1837) из Триеста, в котором Негош критикует Досифея Обрадовича за его «просвещение развратное, которому злое основание положено на поругание святыхни славянской — Благодетия» (= Православия).

по звездам», как сказал иеромонах¹² Николай (Велимирович) в своей глубокой, но все же больше философской, чем богословской работе «Религия Негоша». Это не значит, что Негош не интересовался богословием и не стремился к нему, но он был вдохновенным самоучкой, больше поэтом, чем богословом-догматиком. Его богословие поэтично, это любомудрие умного, гениального человека, который прошел школу трудной христианской и монашеской жизни и отстаивал свою христианскую веру как основу личной и церковно-национальной идентификации. Кандидат, конечно, не забывает, что Негош был епископом, архипастырем и совершал Литургию в Православной Церкви Христовой.

Нам кажется, что Негош в этом несколько похож на Синесия, епископа Киринейского (род. ок. 370 — ум. ок. 413), — аристократа, политика, градоначальника Кириinei в Африке, философа и, в два последних года жизни, епископа. О нем пишет свт. Фотий (Библиотека, 26), что он был хороший ритор, писатель «возвышенного стиля, его писания полны красоты, а в мыслях он силен и многостранен», ибо он до принятия христианской веры был эллинским философом, но его богословию свойственна незавершенность, и оно не вполне церковно.

Так и у Владыки Негоша можно говорить о религии и философии несомненно христианской, даже православной, но не о развитом православном богословии. Наш кандидат широко использует сочинение иером. Николая (Велимировича) «Религия Негоша», в котором достаточно христологического материала и которому присуща направленность ко Христу, и именно Христу Богочеловеку и Спасителю. Но эта работа — сочинение молодого Николая о молодом Негоше, и вряд ли у Негоша все так, как о нем писал Николай (например, он предпочитает религию вере: будто бы она глубже, чем вера; однако в Новом Завете всего лишь несколько раз встречается слово религия — в отношении к фундаментальному понятию веры). Ибо и Николай тогда (в пору написания упомянутой работы) не обладал тем богословским масштабом, какой стяжал впоследствии и который помог бы ему до конца оценить Негоша как православного богослова. Но так как диссертация нашего кандидата озаглавлена «Негош как христианский философ», подобный подход вполне

¹² Впоследствии епископ, канонизирован в чине святителя. — *Примеч. ред.*

оправдан, а своим глубоким проникновением в тему работа, несомненно, заслуживает позитивной оценки, даже с похвалой (*cum laude*).

О поэме Негоша «Горный венец» мы должны сказать, что в ней много мудрых мыслей, подлинно философских, и даже литургических православных элементов, но также немало и фольклорных, простонародных размышлений, героического понимания жизни и борьбы честных людей и страждущего народа в русле динамичной, но почти всегда немирной истории Балкан. Богословия тут мало, и можно только с натяжкой включить это поэтически-героическое творение в систему определенного философского учения или теологии.

Иначе обстоит дело с философско-теологической поэмой «Луч микрокосма». Рассматривая ее, кандидат показал свою академическую зрелость как ученый богослов и написал о ней работу, достойную кандидата православного богословия, и даже более того. Поэма «Луч» написана, несомненно, под влиянием западного романтизма и, конкретнее, английского поэта Мильтона, но это влияние больше художественное, поэтическое, чем философско-богословское, ибо перспективы у них разные (протестантская и православная). В изучение этого загадочного поэтического сочинения Негоша кандидат вложил много труда, рассмотрел и сравнил почти все мнения разных комментаторов (иногда уделяя слишком много внимания критике тех из них, чье толкование и впрямь не соответствует основной мысли и цели Негошевой поэмы о судьбе человека и истории мира и об отношении Бога Живого к человеку как любимому Своему творению). Кандидат верно почувствовал и наглядно показал, что в этой поэме (которую кандидат называет Шестодневом (с. 194)) Негош — не философ-рационалист, вроде протестантского поэта Мильтона или некоторых толкователей, которые хотели бы видеть в Негоше дуалиста, манихея, гностика, платоника, последователя Оригена.

Кандидат опровергает все эти мнения, и даже отчетливо присутствующую в «Луче» идею преэксистенции (думаем все-таки, что не нужно было два раза говорить о преэксистенции — на с. 178–193 и вновь на с. 194–203). Кандидат высказывается так: «В “Луче” решение лежит не в предыстории (преэксистенции); эта идея не главная, она не явля-

ется целью поэмы» (с. 198). Из всей этой путаницы мнимого падения в преэксистенции «Негош спасается появлением Божиим. Внезапно появляется Христос! В момент кульминации падения Адама и его рода приходит воплотившийся Богочеловек» (с. 201). Кандидат правильно указывает на несколько явлений Христа на протяжении поэмы «Луч»; это было сделано автором поэмы намеренно, дабы постепенно показать, что внутренняя нить всей поэмы — именно Слово Божие, Логос-Христос Воплощенный. Также о Боге в «Луче» кандидат правильно говорит: «У Негоша Бог больше сожалеет о судьбе неразумного слуги, чем обеспокоен судьбой престола (Своего)». Именно в этом ключ объяснения структуры поэмы, цель которой — не апология Бога, не философическая теодицея, но раскрытие смысла человеколюбивого Домостроительства спасения человека во Христе Богочеловеке. В этом сотериологическом явлении человеколюбия Христова — а не безличной, неумытной «Правды» Божьей — весь ключ (= раскрытие) Негоша как христианина, как христианского православного философа. Тут над поэтом-философом начинает преобладать богослов-Христолог. Кандидат верно показывает, что и для Негоша главный смысл заключен в словах прп. Максима Исповедника: «Христос не объясняется ничем. Он — объяснение всего» (с. 245). Негош высказывает это в кратком гимне Христу «О Преплагий, тихий Учителю». Об этом гимне хорошо сказал иером. Николай: «В этой сокращенной Христологии можно найти все основы церковной Христологии» (с. 250). Кандидат идет по пути иеромонаха Николая, приводя толкование творчества Негоша, которое дает митрополит Амфилохий (наследник митрополита Негоша в Черногории, но как богослов — превосходящий его), и это — единственно правильное толкование Негоша как христианского философа.

Можно сказать, как кандидат и говорит, что «философия Негоша пронизана размышлениями о Святой Троице, т.е. что его жизненная философия может рассматриваться как икона Св. Троицы» (с. 15, 204). Это утверждение небезосновательно, хотя и немного натянуто. С некоторой натяжкой можно отнести мысль Негоша и к паламизму, как это и делает кандидат, считая Луч, называемый Искрой и Светочем, благодатью: «Здесь идет речь о Нетварной благодати Бо-

жества» (с. 214). Но это его мнение, которое кандидат имеет право высказывать.

Негош — христианский философ, и можно смело сказать — православный христианский философ, но это еще не значит, что он глубокий, настоящий богослов в святоотеческом смысле. Его вдохновение — поэтическое и философское. Не стоит искать в Негоше традиционного богословского мыслителя, равно как и в его творениях — богословских трактатов, наподобие песнопений и догматических сочинений св. Иоанна Дамаскина, Слов и поэм Григория Богослова или Симеона Нового Богослова. Но также не следует приписывать Негошу какую-либо ересь, ибо его свободное поэтическое творчество все же имеет источником и целью Христа и Его Воплощение нас ради человек и нашего ради спасения.

Конечная наша оценка диссертации отца Кирилла (Бойовича): она заслуживает присвоения ее автору степени кандидата богословия.

4.2. Отзыв преподавателя иерея Александра ЗАДОРНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника МДА иеромонаха КИРИЛЛА (Бойовича) по кафедре Богословия на тему: «Митрополит Петр II Петрович Негош как христианский философ»

Представленная работа посвящена весьма сложной фигуре европейского модерна — митрополиту Петру II Негошу. Сложность освещения его личности, объективно осознаваемая автором работы иеромонахом Кириллом (Бойовичем), состоит в одновременной укорененности личности Негоша в европейском романтизме XIX века и черногорском Православии. Последнее имеет свои специфические черты, из которых знаменитая теократия — еще не самая сложная теоретическая проблема для богословов, церковных историков и канонистов.

Согласившись с автором в том, что при разговоре о любом философе необходимо знать контекст его деятельности, нельзя не поставить вопрос о мере освещения такого контекста. Максимальное освещение предполагает пристальное внимание к самой эпохе и сводит творческую биографию мыслителя к иллюстрации основных черт этой эпохи;

минимальное внимание к эпохе предполагает жанр «портрета на фоне времени». В рецензируемой работе автор пошел средним путем с преобладанием первого метода.

Внешний генезис мировоззрения митр. Петра Негоша представляется неоднозначным и не лишенным, так сказать, параллельных влияний, особенно на раннем своем этапе. На наш взгляд, автору удалось найти верный тон в освещении этой проблемы, равно избегнув как отрицания подобного рода влияний, так и преувеличения их роли для становления целостного мировоззрения автора «Горного венца».

Главы третья и четвертая раскрывают, соответственно, поэзию, религиозно-философские взгляды, эстетику и этику митрополита Петра. Здесь — смысловой центр всей работы. Особо интересным (помимо вопроса о преэксистенции у Негоша) представляется авторский подход к хронотопу поэм черногорского митрополита. В разделах «Вечность — время» и «Круговое движение. Вход» проводится аналогия между пониманием пространства и времени у Негоша и современными физическими и математическими представлениями. И хотя автор работы следует здесь (с прямыми ссылками) аналогичным текстам Флоренского и Лосева, иеромонах Кирилл свободен от их склонности к определенной мистификации.

Так, он особо подчеркивает условность таких аналогий и параллелей: «В тройственности пространства, движения (скорости) и времени можно увидеть символическое изображение Святой Троицы (*конечно, только изображение!* — курсив наш. А. З.), где пространство — Отец, движение — Сын, время — Дух Святой» (с. 234).

Несколько раз автор вступает в полемику с позицией авторов, усматривающих преобладание античных влияний на мировоззрение поэм Негоша. Действительно, «эллинская составляющая» в работах такого рода вполне понятна и даже оправданна. Более того, ее можно назвать вполне естественной для сербской мысли — достаточно назвать имена Ксении Атанасиевич или Бранко Павловича уже в XX веке.

Взамен неправомерного акцента на идее «преэксистенции», характерного для светских исследователей, автор делает упор на применении Негошем античных математических парадигм для выражения истин христианского богословия: «Жизненную философию Негоша можно

трактовать как икону Святой Троицы, что вытекает из его мистического опыта, отчасти отраженного в его поэзии. У Негоша присутствует, как один из основных принципов, принцип кругового движения, однако, по Негошу, спасителен для человека только тот круг или вход, который соединен с Богом, прежде всего это Вход Вечного Архидиакона Иисуса Христа» (с. 293).

Нельзя не отметить с удовлетворением, что после замечаний, высказанных руководителем и рецензентом работы на защите, автор внес в текст изменения. Это, прежде всего, касается разъяснений положения митрополита Петра как епископа, его взаимоотношений с Русской Церковью, а также особенностей черногорской теократии.

Работа иеромонаха Кирилла (Бойовича) заслуживает высокой оценки и высокой ученой степени.

5.1. ОТЗЫВ преподавателя Д. В. САФОНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2007/2008 уч. г. Александра ПРАЩЕВИЧА по кафедре Богословия на тему: «Отношения православных и мусульман в Сербии с 1912 по 2004 год»

Тема, избранная диссертантом, относится к числу наиболее актуальных и важных проблем историографии межрелигиозных отношений в славянских странах. Исследование А. Пращевича — первая работа, посвященная комплексному анализу деятельности мусульман в отношении православного населения Сербии, в том числе в Косово и Метохии, за период с 1912 по 2004 г. Актуальность темы определяется также происходящим в настоящее время процессом отторжения Косова от Сербии, которое является следствием мусульманской экспансии в регионе. Необходимо отметить, что работа отличается значительной широтой привлекаемых материалов. Все это позволило диссертанту прийти к обоснованным, хорошо аргументированным выводам. Исследование существенно дополняет представление об этом сложном периоде в истории сербского Православия.

Диссертация состоит из введения, девяти глав, заключения, списка источников и литературы.

Такие содержательные аспекты, как актуальность избранной к исследованию темы и степень ее изученности; объект и предмет, цель и задачи, методологические основы и научные результаты, полученные соискателем и выносимые им на защиту; хронологические рамки и источниковая база диссертации представлены в полной мере во введении. Эта часть исследования содержит характеристику историографии вопроса, включая работы современных российских авторов. Автору удалось избежать недостатка, характерного для сербских студентов, обычно уделяющих недостаточно внимания русскоязычной литературе по теме. Диссертант изучил практически всю известную русскоязычную литературу, связанную с темой исследования, использовал труды российских исламоведов. Использованы все статьи «Православной энциклопедии», которые так или иначе относятся к теме исследования. Каждая из глав содержит выводы.

Исследование приобретает особую значимость, так как в нем показаны многочисленные преступления косовских мусульман в отношении мирного сербского населения, что развенчивает миф об оправданности провозглашения независимости Косова. Автор показал, что Косово стало ареной деятельности ваххабитов, выявил истоки и причины радикализации ислама в Косово и Метохии. Будучи жителем Косова, многочисленные предки и родственники которого пострадали и были убиты мусульманами, автор избежал тем не менее излишней эмоциональности и ангажированности, выдержав предпологаемый рамками диссертационного исследования формат объективного научного исследования.

Оценивая диссертацию А. Прашчевича, можно сказать, что автор в целом реализовал поставленные перед собой задачи, показал хорошее знание проблемы, привлек многообразный материал, сформулировал научные выводы — все это, безусловно, может рассматриваться в качестве самостоятельного вклада в научное религиоведение.

В ходе работы над исследованием автор продемонстрировал трудолюбие и усердие, многократно перерабатывая текст в целях его совершенствования, устраняя выявленные недостатки и исправляя ошибки.

На наш взгляд, материалы и выводы исследования А. Прашчевича имеют важное значение для современных исследований в области исто-

рии и современного отношения мусульман к православным верующим не только в Сербии, но и в России, т.к. процессы радикализации российской уммы делают возможным повторение косовского сценария и у нас в стране.

Диссертация в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым в настоящее время в МДА к диссертациям на соискание ученой степени кандидата богословия, а ее автор заслуживает искомой степени.

5.2 ОТЗЫВ преподавателя Ю. В. МАКСИМОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2007/2008 уч. г. Александра ПРАЩЕВИЧА по кафедре Богословия на тему: «Отношения православных и мусульман в Сербии с 1912 по 2004 год».

Кандидатская диссертация Александра Пращевича состоит из введения, восьми глав, заключения и библиографии. Она вдвойне актуальна, поскольку, во-первых, касается новейшей истории того региона, который традиционно пользуется вниманием в России, а в последние годы и всего мира, а во-вторых, затрагивает тему христианско-мусульманского противостояния, которая еще более остро стоит на повестке дня.

Об отношениях православных и мусульман на территории Сербии и прилегающих к ней земель существует немало стереотипов, во многом возникших под влиянием идеологических установок тех сил, которые инициировали и поддерживали кровавые межрелигиозные конфликты в этом регионе.

Ценность и актуальность работы А. М. Пращевича обусловлена тем, что она выявляет несостоятельность таких стереотипов. Автор с привлечением большой документальной базы показывает подлинную картину взаимоотношений православных и мусульман в Сербии и приводит необходимые исторические, политические и религиозные причины известного противостояния. Как объективный исследователь, он указывает и факты несправедливого обращения с мусульманами со стороны отдельных сербских чиновников, что также вносило лепту в усиление межрелигиозной напряженности.

Следует признать, что автору удалось на высоком научном уровне обосновать основные положения своей работы. Также вполне адекватно им показаны корни враждебности сербских мусульман к христианам, вырастающие из вероучения ислама.

К недостаткам работы можно отнести то, что в ней оказалась совершенно незатронутой тема православной миссии среди мусульман и переходов последних в Православие. Те проблемы с мусульманским населением, которые описывает А. М. Прашчевич, не являются исключительно сербскими. Сербьы во многом разделили общую участь православных балканских народов. При этом известны примеры массового возвращения в Православие потомков исламизированных греков и болгар после освобождения Греции и Болгарии от турецкого ига. Было ли подобное в Сербии? А если нет, то почему?

В Болгарии процесс деисламизации «помаков» продолжался даже при социалистическом режиме, почему же в Сербии даже в период православного правления ни государственная власть, ни Сербская Православная Церковь не предпринимали целенаправленных и крупномасштабных усилий по миссии среди своих мусульман?

В Сербии часто можно услышать речи о том, что боснийцы, а также мусульмане южных районов страны являются исламизированными сербами, чьи предки были православными христианами. Между теми и другими нет ни этнических, ни географических, ни языковых преград. На этом фоне кажется весьма удивительным равнодушие православных сербов к делу проповеди среди своих заблудших братьев.

Это хорошо видно на единственном примере, который А. М. Прашчевич упоминает в своей работе. Это юный мусульманин Эмуруш Рам-Авдула, который искренне хотел принять православную веру, однако «так и не был крещен, равно как и никто другой из представителей местной мусульманской общины» (с. 104).

Не говоря о том, что это является религиозной обязанностью православных христиан, миссия также хорошо зарекомендовала себя как надежное и наиболее эффективное средство от тех проблем, которые мусульманское население доставляло живущим по соседству православным. Мирное обращение мусульман в Православие как способ

эффективного решения проблемы межрелигиозного противостояния хорошо зарекомендовал себя еще в Византии X—XI вв., в XIX в. на российском Северном Кавказе (Осетия), а в новейшей истории — в Болгарии и Грузии.

Необходимость православной миссии среди мусульман осознавал и великий святитель Савва Сербский, который специально перевел на славянский язык чин приема людей, переходящих из ислама в Православие. Однако позднее сербы, видимо, утратили это миссионерское сознание, переведя вопрос отношений со своими исламизированными братьями и соседями в сферу борьбы и вооруженного противостояния. К сожалению, и автор рецензируемой работы никоим образом не рассматривает вопрос о том, предпринимались ли крупномасштабные миссионерские попытки проповеди среди мусульман Сербии в исследуемый им период и идут ли они сейчас, а если нет, то почему, и насколько это повлияло на установление того положения вещей, которое существует теперь.

Из менее значимых моментов можно отметить указание (с. 28) на то, что будто бы «лица мусульманского вероисповедания сами покидали Сербию, поскольку... обязаны были исполнить призыв к хиджре, продиктованный шариатом». Хиджрой обычно называется переселение, совершенное Мухаммедом из Мекки в Медину вместе со своими сторонниками. Мне не доводилось встречать в литературе, посвященной исламу и шариату, понимания хиджры как обязанности для мусульман переселяться из немусульманских стран в мусульманские, и автор, к сожалению, не приводит указания на источник, откуда он почерпнул эту идею.

Несмотря на указанные недостатки, следует признать, что работа Александра Прашчевича выполнена на высоком научном уровне, представляет несомненный интерес, и потому ее автор заслуживает присвоения искомой степени кандидата богословия, а сама работа, после некоторой стилистической редактуры, — публикации.

6.1. ОТЗЫВ доцента В. И. КОСИКА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2007/2008 уч. г. иеромонаха ПЛАТОНА (Йовича) по кафедре Церковной истории на тему: «Священномученик Платон (Йованович), епископ Бяньлуцкий»

Безусловно, труд иеромонаха Платона (Йовича) заслуживает присвоения ему искомой степени кандидата богословия по ряду причин. Во-первых, по новизне представленной работы, в которой исследован сложный спектр вопросов, связанных с разнообразной деятельностью Платона (Йовановича). Во-вторых, по широте нарисованной Платоном (Йовичем) картины многослойных тем и вопросов. В-третьих, по впервые предпринятому автором освещению и анализу литературной деятельности Платона (Йовановича) и его богословских взглядов. Все это позволило автору на основе принципов историзма создать целостный оригинальный труд.

Поставленная автором задача решалась через исследование жизни и деятельности самого священномученика Платона (Йовановича), через изучение его трудов, богословских воззрений. Автором также были использованы такие источники, как разнообразные архивные, в том числе епархиальные, и другие документальные библиотечные материалы, а также труд Л. Дурковича-Якшича.

Новизна труда определяется прежде всего тематикой и задачами работы по созданию первого комплексного исследования жизни и деятельности Платона (Йовановича) в контексте государственно-политической обстановки на Балканах в первой половине XX века с его балканскими и мировыми войнами.

К сказанному добавлю, что категория необходимой актуальности обуславливается самим содержанием труда с его освещением и анализом церковных, историко-научных и публицистических трудов Платона (Йовановича), внесшего значительный вклад в сферу церковного просвещения, положившего жизнь и труды за паству свою.

По сути, сложнейшая тематика, исследуемая автором, не потеряла значения в современности, когда вечный процесс обретения имени своего приобретает особую ценность.

Хронологическое пространство исследования обоснованно и не вызывает каких-либо сомнений или возражений.

Выдвинутая автором цель — «разработка и исследование темы земного жизненного пути священномученика Платона», а также «изучение его литературных трудов и богословских взглядов» — достигается через решение соответствующего набора задач, поставленных в диссертации.

Одна из существенных характеристик представленного труда заключается в его основательности: проработано большое количество как архивных документов и материалов, так и разнообразных трудов священномученика Платона (Иовановича) — все они органично входят в ткань собственно авторского текста. Одним из результатов такого исследования является то, что политические сюжеты приобретают новые краски, иное звучание. Все это позволяет автору решать поставленные задачи на должном уровне.

Уже в первой главе, посвященной биографии священномученика Платона (Иовановича), диссертант, привлекая обширную литературу как известную, так и малодоступную, сумел нарисовать яркую и одновременно сложную картину его жизни, в которой священномученик постоянно сталкивался с недоброжелательством, интригами и угрозами. Сама мученическая кончина епископа Банялуцкого Платона, верного клирика СПЦ, которой он отдал всю энергию и посвятил труды свои, свидетельствует о твердости веры Платона (Иовановича), епископа, богослова, историка, публициста, серба, любящего Родину.

При всем том в клирике Платоне (Иовановиче), как отчетливо показывает автор диссертации, шло рождение публициста, защитника церковных интересов, в чем немалую роль сыграла сама ситуация с Конкордатом, с религиозными свободами в армии.

В заслугу диссертанту может быть поставлена проделанная им работа по подробной реконструкции деятельности Платона (Иовановича) на разных местах служения — от преподавательско-просветительского до епископского. Автором подробно освещены и проанализированы сюжеты, посвященные Дечанскому и Раковицкому вопросам, раскрытие которых содействует приращению исторического знания.

Труд диссертанта позволяет достаточно четко, стройно и понятно представить жизненный путь священномученика Платона (Йовановича).

Интересными и полезными являются многие исторические комментарии на страницах диссертации для уяснения исторического фона, времени, событий, связанных с освещением деятельности священномученика Платона (Йовановича), и помогают приблизиться к правильному пониманию и прочтению текста.

К достоинствам работы следует отнести и то, что автор не просто описывает те или иные события, а старается разобраться в происшедшем, найти ответ, как и почему, в каком направлении шла мысль священномученика Платона (Йовановича).

В то же время, при всех достоинствах диссертации, отмечу, что автор, освещая политическую ситуацию на Балканах, например Балканские войны, болгаро-сербские отношения, как-то обошел вниманием Македонский вопрос, игравший важную роль в этом регионе. Слишком сух комментарий о Боснии и Герцеговине. Затемнены в ряде случаев причины интриг и поведения руководства Церкви. Непонятно, почему Платон (Йованович) так стремился остаться в Белграде. В то же время автор мог бы дать более подробное освещение сюжета о религиозных свободах в армии.

Тем не менее именно системность при воссоздании исторической биографии Платона (Йовановича) позволила автору воссоздать пеструю картину сложных реалий жизни сербского народа, для блага которого трудился Платон (Йованович) везде, где бы он ни был.

Вторая глава посвящена литературной деятельности священномученика Платона (Йовановича). Эта обширнейшая и сложная тема, которая сама по себе могла бы стать предметом защиты диссертации, еще не была объектом специальных исследований, научных споров и дискуссий.

Диссертант освещает в ней ряд важных тем, связанных с историческими, полемическими, педагогическими произведениями Платона (Йовановича), многие из которых не потеряли актуальности и сегодня.

Показана, среди прочих, его педагогическая и издательская деятельность. Подчеркнута важность таких трудов, как «Наука и рели-

гия: христианские идеалы и материалистическое понимание жизни по П. П. Соколову», учебник Закона Божьего, подготовленный совместно с Д. Соколовичем.

Обрисованы богословские взгляды Платона (Йовановича), где должное внимание уделено этике, социальному вопросу, воспитательной деятельности священства.

Подчеркнута его мысль о том, что «единая формула спасения и постоянно человеческого прогресса есть следующее: ближе и только ближе к Богу».

Органично в структуру диссертации входит и представленный, среди прочих, текст кандидатской диссертации Платона (Йовановича) «Законник царя Стефана Душана и его значение для изучения современного ему состояния Сербской Церкви».

Исследование Платона Йовича хорошо уже тем, что сама личность священномученика Платона (Йовановича) представлена на широком и довольно сложном историческом фоне.

Выводы иеромонаха Платона (Йовича) логичны и органично связаны с текстом исследования.

И как итог: диссертация иеромонаха Платона (Йовича) представляет собой оригинальный труд, посвященный жизни и деятельности священномученика Платона (Йовановича), епископа Банялуцкого.

Сделанные в отзыве замечания не имеют принципиального характера и не могут повлиять на высокую оценку диссертации.

Автореферат соответствует тексту диссертации.

Сам труд может быть рекомендован к печати, привлечен к подготовке спецкурса, может использоваться при чтении лекции.

Текст диссертации, имеющиеся публикации полностью отвечают соответствующим требованиям, а ее автор, иеромонах Платон (Йович), заслуживает присвоения искомой степени кандидата богословия.

6.2. *ОТЗЫВ преподавателя Д. В. САФОНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2007/2008 уч. г. иеромонаха ПЛАТОНА (Йовича) по кафедре Церковной истории на тему: «Священномученик Платон (Йованович), епископ Банялуцкий»*

Работа посвящена новомученику Сербской Православной Церкви сщмч. Платону (Йовановичу). Работа выполнена на большом источниковом материале, включающем шесть сербских архивов, периодическую печать, в том числе дореволюционную русскую. Автору удалось в достаточно полной мере исследовать жизнь и произведения сщмч. Платона, опираясь на многочисленные труды сербских авторов. Актуальность обращения к теме подвига новомучеников Сербской Церкви, пострадавших от рук католиков и мусульман, сегодня чрезвычайно актуальна. Если изучение подвига новомучеников Русской Церкви стало темой исследований многочисленных российских церковных и светских специалистов, то в Сербии исследования на аналогичную тему такого масштаба не имеют.

Работа диссертанта состоит из введения, двух глав, заключения, приложения и списка источников и литературы.

Такие содержательные аспекты, как актуальность избранной к исследованию темы и степень ее изученности; объект и предмет, цель и задачи, методологические основы и научные результаты, полученные соискателем и выносимые им на защиту; хронологические рамки и источниковая база диссертации представлены во введении. Укажем некоторые недостатки введения.

Не вполне правильно сформулирован объект исследования: «конкретные исторические события из жизни личности, о которой мы пишем, общественные процессы в Сербии, Королевстве Югославии, Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев и НДХ». Объект и предмет исследования должны соотноситься как общее с частным, в то время как у диссертанта, наоборот, предмет определен как «жизнь и труды священномученика Платона Йовановича, епископа Банялуцкого», а объект является частью предмета исследования, ибо определяется как «конкретные исторические события из жизни личности». В объекте

должна выделяется та его часть, которая служит предметом исследования. Указанные же автором в формулировке объекта общественные процессы не могут быть названы объектом исследования, поскольку в работе они специально не изучаются.

Автор относит к научной новизне исследования то, что в нем «описываются последние дни его земной жизни», а также «освещается акт его канонизации», однако эти темы описываются автором далеко не впервые, поэтому к новизне исследования отношения не имеют. Научная новизна применительно к самой диссертации — это признак, наличие которого дает автору право на использование понятия «впервые» при характеристике полученных им результатов и проведенного исследования в целом. К новизне автор относит то, что в работе «показывается тяжелое положение СПЦ и политическое давление на нее в Старой Сербии (Македонии)». Такое написание предполагает отождествление Старой Сербии и Македонии, между тем как это разные регионы.

Практическое значение диссертации, по мнению автора, «состоит в изложении истории СПЦ в период, который к настоящему времени очень мало изучен (почти до 1941 г.)». Однако, во-первых, практическая значимость определяется возможностью практического использования материалов работы (например, в учебных курсах), а во-вторых, достаточно много трудов, где история Сербской Церкви до 1941 г. рассматривается гораздо подробнее, чем в диссертации. Раздел «Основное содержание диссертации» не следовало помещать во введении, он необходим только для автореферата. Излишним является и раздел «Процесс исследования». Книга Любомира Дурковича-Якшича не должна быть относима к источниковой базе, как это делает диссертант, так как относится не к источникам, а к историографии. Однако в остальном раздел, посвященный источникам, написан достаточно обстоятельно и содержит описание архивных фондов, с которыми удалось познакомиться автору. Однако формулирование цели, объекта, предмета исследования и т.п. является одной из самых сложных задач диссертанта. Следует указать, что в целом диссертанту удалось привести введение в вид, соответствующий в основном требованиям к диссертации, на необходимость чего мы указывали в отзыве на предзащите.

К сожалению, не удалось автору познакомиться с указанными нами в предварительном отзыве работами современных русскоязычных авторов Елены Юрьевны Гуськовой, Виктора Ивановича Косика. Хотя они не касались в своих работах деятельности сщмч. Платона, но ситуация в Сербии и Боснии в годы Второй мировой войны без учета их работ в диссертационном исследовании рассматриваться вряд ли может. Автор применил слишком узкий подход к существующей литературе, указав только ту литературу, где говорится о сщмч. Платоне.

В предварительном отзыве мы указывали, что сщмч. Платону посвящена часть очерка А. Г. Михайлова¹³, о судьбе епископа Платона говорится в книге И. Ф. Приймы¹⁴, однако автор не стал обращаться к этим изданиям, что, вероятно, связано с их отсутствием в библиотеке МДА. Однако нужно отдать должное автору и сказать, что он учел нашу рекомендацию об использовании в работе целого ряда статей из «Православной энциклопедии».

Глава I носит название «Жизнь, мученическая кончина и прославление Священномученика Платона». Главы делятся на параграфы, параграфы, в свою очередь, разбиты на подпараграфы с буквенным обозначением. Они занимают от одной до нескольких страниц: так, во втором параграфе первой главы их насчитывается пятнадцать. Такая разбивка текста представляется нам неоправданной, следовало бы увеличить количество глав, посвятив их основным этапам жизни сщмч. Платона.

Автор полностью встает на сторону сщмч. Платона в вопросе о присутствии русских монахов в монастыре Дечаны, которое он считает «трагедией». Упомянув мнение только противников русских монахов, автор приводит цитаты из сербской прессы, где последние названы «людьми скорее коммерческого, чем священнического склада и духа». Как показано в статье «Православной энциклопедии», поселение русских монахов в Дечанах вовсе не было «оккупацией». К этому моменту обитель была почти полностью разорена, а монахи приехали в ответ на просьбу сербских светских и церковных властей. Они возобновили

¹³ Михайлов 1993.

¹⁴ Прийма 1993.

ежедневное богослужение, устроили больницу и открыли школу с пансионом для сельских детей, построили «русский» корпус. Русский консул в Призрене взял обитель под свое покровительство. В результате ее перестали разорять албанцы, а в окрестности вернулись сербские жители. Российское правительство вложило в обитель значительные средства (только на школу-пансион тратилось 5 тыс. рублей в год)¹⁵. Не пытаясь ответить на вопрос, кто был прав в этом споре, нужно констатировать, что данный вопрос изложен в диссертации необъективно. В предварительном отзыве мы не только высказывали вышеизложенное замечание, но и указывали на неточность утверждения диссертанта о том, что русские афонские монахи покинули Дечаны «с началом Первой мировой войны», ведь это произошло в 1910 г.¹⁶, как об этом говорится в «Православной энциклопедии». Оставив в тексте прежнюю датировку, автор добавил в текст слова: «Или 1910. г. согласно автором статьи помещеной в Православной Энциклопедии». Наличие восьми ошибок во фразе из восьми слов говорит, на наш взгляд, о том, что автор вместо того, чтобы внимательно разобраться с вопросами, которых касались наши замечания, ограничился несколькими наспех вставленными в текст фразами.

Вторая глава работы (с. 133–153) содержит авторскую характеристику трудов сщмч. Платона. Если к биографии сщмч. Платона обращались некоторые исследователи, то анализ его трудов еще не был темой специального исследования. В диссертации, пожалуй, впервые в историографии проведен подробный анализ богословских, этических и т.д. взглядов сщмч. Платона. Хотя объем главы можно было бы увеличить, однако автору удалось проанализировать взгляды сщмч. Платона на достаточно высоком богословско-философском уровне. Однако, думается, что анализ публикаций сщмч. Платона следовало бы расширить.

Заключение работы значительно отличается в лучшую сторону от варианта, представленного к предзащите: автору удалось, хотя, возможно, не в полной мере, представить основные выводы исследования.

¹⁵ Тодич, Кузеванов, Турилов 2006. С. 481.

¹⁶ Там же.

Автору следовало бы указать, что текст кандидатской диссертации сщмч. Платона, который он поместил в приложении, хранится в НИОР РГБ и указать его шифр.

В работе вводятся в научный оборот новые источники, привлекается значительный объем периодических изданий, в которых издавались труды сщмч. Платона. В ней имеются серьезные исследовательские наработки, многие источники использованы впервые.

При наличии некоторых недостатков, указанных выше, работа является серьезным самостоятельным исследованием, а ее автор может быть назван достойным присвоения искомой степени.

7.1. ОТЗЫВ преподавателя иерея Максима КРАВЧЕНКО на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2007/2008 уч. г. Немани КЛАЙИЧА по кафедре Церковной истории на тему: «Конкордат между Ватиканом и Королевством Югославия и реакция Сербской Православной Церкви»

Представленная на отзыв диссертация на соискание кандидатской степени чтеца Немани Клайича представляет собой повествование о непростом времени для бывшего королевства Югославия — событиях 1930-х годов, когда римский католицизм усиленно проводил ратификацию Конкордата (договора о правах и обязанностях двух сторон) между Ватиканом и королевством Югославия. Сербский народ, правительство Королевства и Сербская Православная Церковь, каждый по-своему, оказались перед нелегким выбором: принять навязываемые братские железные объятия римо-католицизма или же, отказав могущественному Ватикану в дружбе на его условиях и по его сценариям, навлечь на молодое, раздираемое внутренними противоречиями балканское государство гнев и угрозы римского «Святейшего Отца». Ратификация Конкордата провалилась. Причины и следствия данного исторического противостояния Востока и Запада раскрывает автор представленного на отзыв труда.

Работа Немани Клайича — это 231 страница, из которых авторский текст составляет 161 страницу. Дав во введении положенные коммен-

тарии по обоснованию своей темы и практической значимости диссертации, автор в целом справился с поставленной задачей — осветить совокупность аспектов отношений смешанного сербско-хорватского государства и Римо-католической церкви в 1920–1930-е годы.

Глава 1-я работы — исторический экскурс по образованию единого Сербского королевства в 1918 г. и объединению епархий на этих территориях в качестве единой Сербской Православной Церкви в следующем 1919 году.

Глава 2-я — обзор положения религий в королевстве СХС (Сербов, Хорватов и Словенцев). Автор повествует о численности, настроениях и взаимоотношениях с государством основных вероисповеданий этих балканских народов.

В 3-ей главе работы автор раскрывает принципы и исторически сложившиеся образы взаимоотношений между Церковью и государством на примерах империй и государств различных эпох как Запада, так и Востока. Далее раскрывается понятие «конкордат», приводятся примеры нескольких действовавших в то время конкордатов Ватикана с европейскими государствами и рассматриваются конкордаты, имевшие силу на территории балканских стран до их слияния в единое королевство СХС.

На протяжении глав 4-й, 5-й и 6-й, непосредственно отвечающих заявленной теме работы, автор повествует о способах решения Ватиканом религиозно-политических вопросов в Сербии и Хорватии, раскрывает причины фактической ратификации и внезапного для Ватикана провала Конкордата 1935-го года. Перед взором читателя предстают образы сербских архиепископов и политиков, сыгравших ту или иную роль в этой драматической истории. Заслуживает внимания предположение автора о том, что совершенно внезапно скончавшийся патриарх Сербский Варнава (Росич) все-таки был отравлен — но, вопреки распространенному мнению, не католиками.

Данная работа читается с интересом, стиль изложения местами переходит в живой и образный. Интерес представляет сам текст Конкордата с комментариями будущего сербского священномученика Платона (Йовановича), епископа Баниялукского. Этот материал помещен автором в Приложении 1.

К сожалению, работа не лишена недостатков. Автор неоднократно пишет слова Король и Королева с больших букв, а титулы митрополитов — с маленькой (см., например, с. 20: митрополит Тузланский Иларион). Византийский император неоднократно именуется Королем (причем как «Корол»), что вызывает недоумение читателя и, вообще, воспринимается с трудом. Встречаются опечатки, повторы слов, несогласования падежей и чисел. Это, отчасти, можно было бы извинить тем, что автор не является русскоговорящим от рождения. Тем не менее следовало бы внимательнее отнестись к вычитке и оформлению текста, подаваемого на отзыв...

Однако следует учитывать, что совокупное исследование автором предыстории и последующих событий, связанных с Конкордатом 1935 г., судя по всему, в исторической науке предпринято впервые. Недостатки, которых не лишена данная работа, тем не менее, на взгляд рецензента, не могут лишить ее хорошей оценки. Автор данной работы достоин искомой степени.

Рекомендую данный труд к сохранению в фондах библиотеки МДА как справочное пособие по истории Сербской Православной Церкви.

7.2. ОТЗЫВ доцента В. И. ПЕТРУШКО на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2007/2008 уч. г. Немани КЛАЙИЧА по кафедре Церковной истории на тему: «Конкордат между Ватиканом и Королевством Югославия и реакция Сербской Православной Церкви»

Диссертация чтеца Немани Клайича «Конкордат между Ватиканом и Королевством Югославия и реакция Сербской Православной Церкви» посвящена теме, актуальность которой не вызывает сегодня никаких сомнений. Помимо того, что данная работа способна заполнить определенный пробел в новейшей церковной истории южных славян, она может иметь и огромное практическое значение. Опыт государственно-церковных и православно-католических отношений, имевших место в Югославии в 1-й половине XX в., исключительно востребован в современной Сербии и других республиках бывшей Югославии. Не-

малую ценность он представляет и для современной России, где также особую остроту приобретает проблема оформления отношений с Ватиканом в условиях, когда демократический характер государственного строя в стране сочетается с приверженностью большинства ее населения к православной традиции.

Тем не менее не только в российской, но и в сербской исторической науке как церковной, так и светской теме конкордата между Ватиканом и Королевством Югославия до сих пор не уделялось должного внимания. Ни одного комплексного исследования по данной теме не было предпринято. Появление работы Немани Клайича, посвященной конкордату 1935 г., безусловно, можно только приветствовать.

Знакомство с диссертацией оставляет впечатление о ее авторе как о добросовестном и широко эрудированном исследователе, который предпринял большие и заслуживающие уважения усилия по написанию работы, несомненно представляющей большой научный интерес и способной привлечь внимание всех, кто интересуется новейшей церковной историей Балкан и православно-католическими отношениями.

Однако, несмотря на очевидные достоинства, работа Немани Клайича, к сожалению, не лишена ряда существенных недостатков, которые заметно снижают ее научную ценность.

Прежде всего, ряд претензий может быть предъявлен к разделу «Введение». Крайне лаконичен его параграф, посвященный актуальности темы исследования: ей отведен лишь один небольшой абзац, информативность которого очень невелика. Ни в малой степени не отрицая важности обращения к теме конкордата между Ватиканом и Королевством Югославия, все же следует отметить, что составить себе внятное представление об актуальности темы исследования по введению к диссертации не представляется возможным.

Весьма незначительным по объему является и параграф, в котором рассматривается степень изученности проблемы. Другим его существенным недостатком является сумбурность в изложении библиографии и ее слабая связь с избранной темой исследования. Соискатель приводит ряд публикаций, отмечая, что в них затрагивается тема конкордата между Ватиканом и Королевством Югославия, но при этом

не дает практически никакой оценки позиции упоминаемых авторов по данному вопросу. Из данного библиографического обзора, по сути, можно узнать лишь о том, что большинство православных авторов осуждало конкордат, но их мотивация при этом никак не рассматривается. Довольно странно выглядит группа авторов, упоминаемых соискателем в качестве представителей «русской литературы»: в ней искусственно объединены современные исследователи И. В. Чуркина и проф. К. Е. Скурат; проживавший в послереволюционные годы в Югославии белоэмигрант В. А. Маевский и почему-то венгерский автор Е. Гергей (в написании фамилии которого допущена ошибка). При этом диссертант отмечает, что в работах указанных авторов тема конкордата практически не рассматривается: в таком случае вообще непонятно, для чего они приводятся в библиографическом обзоре.

Не очень внятно выглядит указание автора на хронологические рамки работы. В посвященном этому вопросу параграфе диссертант сначала указывает на 1914—1941 гг., а затем на 1930—1937 гг. Вероятно, во втором случае речь шла о непосредственно исследуемых в диссертации событиях и документах, но об этом можно лишь догадываться. В то же время, вопреки ранее обозначенным временным рамкам, о событиях в промежутке между 1937 и 1941 гг. в диссертации по существу ничего не говорится.

Раздел, в котором формулируются цель и задачи диссертационной работы, как представляется, по своему содержанию скорее напоминает заключение. Вместо того чтобы четко сформулировать цель и задачи исследования, диссертант фактически дает оценку конкордату и порожденным им тенденциям в православно-католических отношениях в Югославии, причем делается это в излишне эмоциональной форме, подходящей скорее для публицистической работы, нежели для научного церковно-исторического труда.

Практически то же самое, только в еще более краткой форме и самых общих выражениях, соискатель повторяет и в параграфе, который посвящен основным положениям диссертации, выносимой на защиту. Все его содержание фактически сведено лишь к негативной оценке конкордата как «ловушки Ватикана для любого государства, которое его заключает». Цель конкордата автор видит в «уничтожении веры

и обычаев народа, навязывании собственных правил, губительных для любого верующего, Церкви и государства, к которому верующий принадлежит». Данное утверждение, как представляется, является чрезмерно категоричным.

Однако подобные выводы, представленные в столь резкой форме, во-первых, могут быть оспорены: достаточно указать на конкордат, заключенный со Святым престолом Российской империей при императоре Николае I в 1847 г., который отнюдь не привел к уничтожению православной веры и национальной идентичности русского народа. Кстати, стоит отметить, что данный конкордат по непонятной причине в диссертации даже не упомянут, а между тем его сравнение с югославским аналогом было бы, как кажется, весьма уместным и целесообразным. Во-вторых, выносимые диссертантом на защиту положения сформулированы в работе как касающиеся конкордата в целом, а не конкретного конкордата между Ватиканом и Югославией. Они не отражают специфики конкордата между Святым престолом и Югославией: общественно-политического фона, на котором он был заключен, реакции Сербской Православной Церкви и общественности Югославии на его заключение, последствий конкордата для религиозной и политической жизни страны. Все эти моменты, к сожалению, не нашли никакого отражения в тезисах, выносимых на защиту. Между тем приводимый в диссертации материал вполне дает возможность осветить все эти вопросы.

Существенные претензии могут быть высказаны в отношении структуры диссертации. Едва ли правомерно разделение кандидатской диссертации объемом около 170 страниц (без учета приложений) на шесть глав. Думается, что в данном случае следовало ограничиться тремя, в крайнем случае, четырьмя главами. Кроме того, налицо существенная диспропорция в изложении материала: первые три главы — «Образование Королевства СХС и объединение Сербской Православной Церкви», «Положение религий в Королевстве Югославия», «Понятие конкордата и действующие конкордаты в других государствах», имеющие вводный характер, занимают 92 страницы, то есть более половины всего объема диссертации. Представляется, что в качестве само-

стоятельной 1-й главы исследования имело бы смысл сохранить лишь раздел, посвященный понятию конкордата и его примерам. В то же время ту его часть, в которой повествуется о предыстории конкордата 1935 г., лучше было бы перенести в раздел, посвященный заключению конкордата. Скромный объем первых двух глав — 12 и 15 страниц соответственно — дает основание видеть в них не отдельные самостоятельные разделы, но лишь параграфы, которые выглядели бы удачнее как вступительный материал в составе главы, посвященной заключению конкордата. Неоправданным выглядит выделение автором в качестве самостоятельных разделов 4-й и 5-й глав: «Конкордат Ватикана с Королевством Югославия 1935 года» и «Конкордат в Народной Скупщине (Парламенте)». Их объем крайне невелик — всего лишь 5 и 16 страниц соответственно. При этом материал, изложенный в главе, посвященной обсуждению конкордата в Скупщине, малопонятен без предварительного ознакомления с позицией Сербской Православной Церкви по данному вопросу. Возможно, эти разделы следовало бы поменять местами. И вообще, как кажется, материал диссертации требует серьезной и более глубоко продуманной структурной перестройки.

Как существенный недостаток диссертации также необходимо отметить отсутствие в ней промежуточных выводов, в которых подводился бы итог всему сказанному в той или иной главе, а в ряде случаев — и параграфе.

Характеризуя отношения Православной и Католической Церквей с государственной властью в Королевстве СХС (Югославии) до заключения конкордата, диссертант, как представляется, делает это недостаточно четко. Составить ясное представление о характере этих церковно-государственных отношений на основании материала диссертации довольно сложно. Между тем в контексте предпринятого исследования этот вопрос имеет гораздо большее значение, чем тема положения мусульман и иудеев в Королевстве СХС, которой, как кажется, в исследовании можно было бы уделить меньшее внимание.

Довольно трудно согласиться с отождествлением хорватского национального вопроса и проблемы положения католиков в Королевстве, которое диссертант декларирует в своей работе и даже выносит в за-

головок одного из параграфов. Политический и религиозный аспекты сербско-хорватских отношений, безусловно, имели свою специфику.

Весьма категоричным выглядит утверждение соискателя о том, что католики Хорватии изначально стремились к приобретению особого статуса в Королевстве СХС исключительно с целью прозелитизма. Приводимые автором статистические данные показывают, что количество хорватов-католиков в Королевстве было не намного меньше численности православных сербов: 39,4% и 46,6% соответственно. При такой пропорции кажется вполне естественным устремление хорватов, ощущавших себя в Королевстве отнюдь не национальным меньшинством, к особому религиозному статусу.

В работе присутствует ряд утверждений, смысл которых остается неясным. В частности, трудно понять сделанное соискателем вне всяких временных рамок заключение: «Под влиянием Рима в Хорватии усилился клерикальный режим, направленный на то, чтобы воспрепятствовать сербско-хорватскому соглашению» (с. 37). Делая весьма резкое заявление: «По мнению римской курии, Югославия должна была или стать в скором времени католической, или исчезнуть» (с. 39), диссертант тем не менее ничего не сообщает о том, откуда это мнение стало ему известно. Никаких ссылок на документы или хотя бы литературу автор не приводит.

Говоря о предпосылках заключения конкордата 1935 г., соискатель так и не проясняет до конца вопрос о причинах, побудивших власти Королевства Югославия поднять вопрос о новом договоре с Ватиканом. Существенное возрастание доли католического населения в государстве (в сравнении с довоенным Сербским королевством) влекло за собой проблему консолидации населения страны, почти пополам разделенного на православных и католиков. Представляется, что стремление сгладить противоречия между православными сербами и католиками-хорватами явилось одним из главных побудительных мотивов для заключения нового конкордата. Однако соискатель обходит стороной данное обстоятельство и вообще практически ничего не говорит о причинах подготовки и заключения конкордата и о том внешне- и внутриполитическом фоне, на котором этот процесс происходил.

Очень скупо выглядит параграф, повествующий о том, как непосредственно проходили переговоры между Королевством СХС и Святым престолом. Говоря об их этапе, имевшем место в 1925 г., соискатель называет позицию Ватикана и высшего католического клира Хорватии «требованиями клерикалов» (с. 94), однако никакого более детального рассмотрения этой позиции в работе не представлено. То же самое касается и меморандума Святого престола 1935 г.: диссертант ограничивается лишь замечанием о том, что «точка зрения Ватикана была слишком далека от югославской позиции» (с. 94). Однако ни та, ни другая позиции в работе не уточняются.

Неясной остается и точка зрения Загребского католического архиепископа Алоиза Степинаца на проект конкордата. На с. 95 диссертант сначала утверждает, что Степинац был «не только недоволен новым тестом конкордата и не имел в него веры, но и не желал его». Но уже буквально через предложение можно встретить указание на то, что Степинац по поводу подписания конкордата 1935 г. заявлял, что «особого воодушевления он не испытывает, хотя неплохо, если подписание состоится». При этом мотивировка позиции архиепископа Загребского никак не рассматривается.

Однако самым существенным изъяном диссертационного исследования следует признать отсутствие в нем как содержания, так и анализа соискателем основных положений конкордата. Безусловно, наличие в приложении к работе текста конкордата и замечаний к его статьям, выполненных епископом Банялукским Платоном, придает диссертации дополнительную ценность. Но все же думается, что диссертанту следовало бы сделать разбор статей конкордата (как самостоятельный, так и с привлечением литературы) центральным моментом своего исследования. Без этого становится слабо понятной реакция на заключение конкордата в политических кругах Югославии и в Сербской Православной Церкви.

Оценивая содержание диссертации в целом, к сожалению, приходится констатировать, что оно отличается преимущественно компилятивно-описательным характером. При этом приводимый фактический материал зачастую излагается хаотично, без внутренней логики. Диссертант почти не прибегает к анализу приводимых фактов. В ряде слу-

чаев вместо логически обоснованных выводов присутствуют довольно резкие высказывания, не подкрепленные никакими доводами и по этой причине не воспринимаемые как убедительные. Следует также отметить, что стилистика текста диссертации вообще отличается чрезмерной эмоциональностью и публицистичностью. Очевидно, что автор принимает близко к сердцу испытание, выпавшее на долю Сербского государства и народа в XX веке и продолжающиеся в настоящее время, — тем не менее диссертационное исследование предполагает более строгий стиль изложения материала.

Думается, что слова «церковь», «патриархия» и ряд других уместно было бы писать с заглавной буквы, особенно при наличии употребляемых в тексте слов «Король» и «Королевство», написанных с заглавной буквы. Довольно непривычно выглядит наименование в работе Константинопольской Патриархии «Императорградской». Автор часто употребляет как синонимы понятия «Королевство СХС» и «Королевство Югославия» без оглядки на хронологический контекст, что нельзя признать справедливым, учитывая, что данные наименования государства употреблялись в разные эпохи и исторически не могут быть признаны синонимичными. Недоумение вызывает тот факт, что при описании церковно-государственных отношений в Византийской империи диссертант постоянно называет монарха не императором, а «Королем». При этом в параграфе, посвященном государственной власти папы Римского, фигурирует уже титул «Император», но там, где речь идет об императорах Священной Римской империи или Австрии, императорский титул вновь заменяется королевским, что является исторически некорректным.

Наконец, следует отметить, что раздел «Библиография» в диссертации Немани Клайича оформлен с нарушением принятых норм. Диссертант разделяет библиографию по языковому признаку: на русском, сербском и хорватском языках. Однако при этом в данном разделе работы не делается различия между источниками и литературой: как архивные материалы, так и литература по теме исследования приводятся в едином списке.

Подводя итог сказанному, приходится констатировать, что диссертация Немани Клайича, обладая несомненными достоинствами, тем не

менее требует существенной доработки с целью устранения недостатков, существенно снижающих ее научную ценность. После внесения необходимых корректив работа вполне может быть допущена к защите на соискание степени кандидата богословских наук.

8.1. ОТЗЫВ профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии СЗО 2007/2008 уч. г. протоиерея Анатолия КОЛЯДЫ по кафедре Церковной истории на тему: «История Русской Православной Церкви в Потсдаме в XVIII–XXI вв.»

Кандидатская диссертация прот. А. Коляды, объемом 150 страниц авторского текста, с приложениями на 226 страницах, состоит из введения, трех глав и заключения. В приложениях помещен 61 документ по теме диссертации, а также хронологический указатель. Библиография включает пронумерованный перечень использованных архивных дел и 198 названий книг и статей на русском и немецком языках.

В работе, выполненной на солидном уровне, содержится основательно документированная, детализированная история Потсдамского храма, проливающая свет на характер русско-германских отношений в разные исторические эпохи, на условия существования русских колонистов в Германии, на церковную жизнь русской эмиграции XX века, так что при, казалось бы, узкой тематике диссертации автор открывает широкий горизонт вопросов при изучении темы. Наблюдения автора меткие, выводы возражений не вызывают. Научная ценность рецензируемого исследования заключается во введении в научный оборот множества неопубликованных архивных документов, получивших в работе взвешенную интерпретацию. У рецензента имеются лишь отдельные замечания по тексту, которые не носят принципиального характера.

Диссертант впервые отметил связь [внутреннего убранства — *Ред.*] храма Святого Александра Невского в Потсдаме с иконостасом Спасо-Преображенского собора в Санкт-Петербурге (с. 66–67). Здесь было бы уместно поставить вопрос об авторстве икон Потсдамской церкви, но этого мы в диссертации не находим.

Диссертант пишет о том, что солдат, оказавшихся в Пруссии, постигла бы печальная участь (с. 82), если бы они остались на родине, и, в частности, о том, что им пришлось бы возвратиться в крепостное состояние. Но это необоснованное предположение: ветераны (или, как их тогда называли, инвалиды) не подлежали возвращению в крепостное состояние. Освобождение от крепостной зависимости по окончании 25-летней службы было одним из преимуществ солдат.

Рецензент считает, что указанные здесь ошибки не являются серьезным препятствием для присвоения студенту степени кандидата богословских наук.

8.2. ОТЗЫВ профессора М. В. ШКАРОВСКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии СЗО 2007/2008 уч. г. протоиерея Анатолия КОЛЯДЫ по кафедре Церковной истории на тему: «История Русской Православной Церкви в Потсдаме в XVIII—XXI вв.»

Диссертация протоиерея Анатолия Коляды написана на актуальную, интересную в научном и практическом плане тему. В 1990-е гг. в России развернулся бурный процесс численного роста и расширения влияния Русской Православной Церкви не только в России, но и во всех странах, где проживала российская паства. Между тем история зарубежных епархий и приходов Московского Патриархата изучена явно недостаточно. Работа о. Анатолия является в этом плане одним из первых заметных шагов.

В представленной диссертации убедительно обоснована актуальность темы, четко определен объект исследования, мотивирован выбор хронологических и территориальных рамок. Русский православный приход в Потсдаме является старейшим в Западной Европе — в 2009 г. исполняется 275 лет освящения первой Потсдамской церкви и 180 лет — ныне действующего храма Святого князя Александра Невского; тогда для прихожан Потсдамской церкви впервые было совершено православное богослужение на немецком языке, и к этому храму был рукоположен во иерея немец. С историей Православия в

Потсдаме был связан целый сонм известных архипастырей и пастырей. Однако эта история в последний век серьезно не изучалась. Существенное значение имеет тот факт, что о. Анатолий служит настоятелем Александро-Невской церкви и окормляет ее общину в последние годы. Формулировка задач исследования свидетельствует о серьезных намерениях диссертанта создать обобщающую работу, которая раскрывала бы важнейшие аспекты истории православной жизни в Потсдаме, роль в ней прусского (немецкого) государства и описывала бы судьбы отдельных прихожан. Эти намерения были удачно осуществлены.

Выводы, сделанные в диссертации, сформулированы на основе исследования широкого круга научной литературы и источников — как архивных материалов, так и монографий отечественных, эмигрантских и зарубежных историков, церковных изданий, законодательных актов, немецкой периодической печати. Хорошим уровнем отличается историографический анализ. Особенно подробно и обстоятельно изучена современная немецкая, а также российская церковная и научная литература XIX — начала XX веков, посвященная истории православных общин в Потсдаме.

Основной же источниковой базой послужили материалы шести архивов: двух государственных немецких, двух церковных (Московского Патриархата в Германии), а также двух светских архивов в Москве. Существенным добавлением стали нарративные источники — воспоминания бывших прихожан Потсдамской церкви, материалы семейного архива сына священника Павла Хеке и т.д. Вовлечение в научный оборот ранее не использованных архивных документов и определяет в значительной степени научную новизну работы. Не вызывает возражений избранная структура диссертации.

Особую научную значимость имеют разделы работы, посвященные истории церкви Святого князя Александра Невского после 1914 г. Диссертантом впервые было установлено, что в конце 1920-х гг. в Потсдамском храме служили священники, подчинявшиеся митрополиту Евлогию и состоявшие в юрисдикции Московского Патриархата, а духовенство Русской Православной Церкви Заграницей стало служить в Александро-Невской церкви лишь с 1936 г. Интересно освещена судьба общины в годы Второй мировой войны.

Во второй главе привлекает внимание подробное исследование истории постройки храма в Потсдаме и выявление ее тесной связи с возведением Спасо-Преображенского собора в Санкт-Петербурге. Хорошее исследование жизни общины в последние десятилетия, позволяет проследить ее историю вплоть до 2007 г. Особенно следует отметить большую насыщенность работы о. Анатолия богатым фактическим материалом.

Текст диссертации удачно дополняют приложения (более шестидесяти документов) и имеющий самостоятельную ценность очень подробный хронологический указатель. Автору удалось идентифицировать большую часть захоронений на православном церковном кладбище Потсдама. В целом выводы диссертанта подкреплены надежными источниками, логичны и укладываются в общую концепцию исследования. Работа протоиерея Анатолия Коляды имеет научную и практическую ценность.

Вместе с тем приходится отметить, что диссертация не лишена определенных недостатков. Уже говорилось о хорошем историографическом разделе, однако в нем есть небольшие пробелы. Автор не упоминает книгу московского историка А. К. Никитина «Нацистский режим и русская православная община в Германии: 1933–1945» (М., 1998) и сборник документов М. В. Шкаровского «Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов» (М., 2003). Жаль, что диссертанту не удалось разыскать комплект весьма информативного журнала «Сообщения и распоряжения Высокопреосвященного Серафима, митрополита Берлинского и Германского и Средне-Европейского митрополичьего округа» за 1942–1945 гг.

Некоторые рекомендации можно дать и в отношении расширения источниковой базы. Прежде всего, следует упомянуть Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (к сожалению, закрытый несколько последних лет), где хранятся фонды Святейшего Синода, обер-прокурора Синода и т.д. Дополнили бы работу и материалы архива Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, а также документы из следственного дела священника Павла Хеке в Центральном архиве Федеральной службы безопасно-

сти Российской Федерации (туда можно было отправить запрос). При этом научный анализ различных групп государственных и церковных документов был проведен не в достаточной мере.

В работе имеются отдельные фактические ошибки. Так, Владыка Серафим (Ляде) никогда не был возведен в сан архиепископа Мюнхенского и Баварского (с. 116). Воскресенский собор в Берлине был построен в основном на средства немецкого государства, но не только: значительную часть средств составили церковные пожертвования, в том числе Поместных Православных Церквей (с. 119). В состав Средне-Европейского митрополичьего округа никогда не входили части оккупированных западных областей СССР (с. 122). Лжепатриарх Мстислав (Скрыпник) скончался и был похоронен в США (с. 126).

Некоторые сюжеты следовало бы дополнить. Так, в работе не указано, что религиозный философ С. Алексеев (Аскольдов) скончался в Потсдаме в мае 1945 г. (с. 124). Очень кратко и неполны биографии Потсдамских епископов: например, в сноске о епископе Филиппе (Гарднере) ничего не говорится о снятии с него Архиерейским Синодом РПЦЗ сана и его смерти мирянином. Возможно, эти биографии следовало бы дать в качестве приложения к работе. Также полностью отсутствуют даже краткие биографические сведения о четырех архиепископах Берлинских и Германских: Иоанне (Вендланде), Феодосии (Прозюке), Германе (Тимофееве) и Феофане (Галинском); между тем о других Владыках, занимавших Берлинскую кафедру, эти сведения есть.

В заключении, помимо краткого пересказа истории потсдамских общин, следовало бы больше внимания уделить выводам и итогам работы. Несколько неравномерной представляется подборка документов: 50 из них посвящены истории общин до 1914 г. и лишь 11 — ее истории в последующий, наименее изученный ранее период.

Указанные частные замечания не меняют общей высокой оценки диссертации. В целом, труд протоиерея Анатолия Коляды представляет собой завершенное исследование, содержит совокупность новых научных результатов и положений, имеющих существенное значение для соответствующей отрасли знаний. Он вполне может стать основой для научного издания. Представленные в диссертации материалы

и выводы восполняют определенный пробел в истории Русской Православной Церкви, России и Германии, могут быть использованы для написания общих работ по истории Русской Православной Церкви и чтения спецкурсов в ВУЗах.

Работа протоиерея Анатолия Коляды в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а соискатель заслуживает присвоения степени кандидата богословия.

9.1. ОТЗЫВ профессора А. А. ВОЛКОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2007/2008 уч. г. диакона Владимира РОДЧЕНКО по кафедре Филологии на тему: «Генезис и типология современной отечественной церковной периодики»

Рецензируемая диссертация содержит оригинальный систематический обзор и анализ источников православной церковной периодики. Актуальность и значимость рецензируемой работы сомнений не вызывают: за почти двадцатилетний период развития современной церковной периодики подобное исследование предпринято фактически впервые, тем более что оно выполнено профессиональным журналистом. Следует подчеркнуть, что дальнейшее изучение православной церковной периодики, необходимость которого уже давно назрела, возможно только при наличии систематизирующих работ, дающих общую картину предмета.

Диссертация включает введение, три главы и список источников и использованной литературы.

В первой главе «Происхождение, эволюция и становление современной русской православной журналистики» рассмотрена собственно предистория той журналистики, с которой мы имеем дело в настоящее время, то есть с начала 1990-х годов. Автор указывает особенности дореволюционной журналистики и советских периодических изданий и возводит к ним современную периодическую продукцию православных журналистов, относя все это, очевидно, к сфере средств массовой информации.

Во второй главе «Типологические характеристики аналитической периодики РПЦ» рассматриваются так называемые типологические признаки аналитической периодики, то есть журнальных публикаций общецерковных, епархиальных и приходских изданий, а также дифференциация православных журналов по «социокультурным» характеристикам аудитории, а точнее было бы сказать, по частным интересам аудитории.

В третьей главе «Система церковной периодической печати газетного типа» рассмотрены общие особенности газет РПЦ, особое внимание уделено церковно-общественным газетам, но в особенности газетам типа «Радонежа», которые, однако, автор не решается рассматривать как церковные издания. Особое критическое внимание диакон В. Родченко уделяет изданию «Русь православная» и подобным.

Список рассмотренных источников и использованная литература предмета представляются в целом достаточными для исследования в рамках предмета журналистики, и сама диссертация, положения которой вполне обоснованны, а материал изложен хорошим языком, производит вполне благоприятное впечатление.

В работе имеются, однако, некоторые положения, которые, как показывает текст самой диссертации, нуждаются в уточнении или модификации. Так, предмет диссертации — церковная периодика, которая определяется как печатные органы, «которые издаются или, по крайней мере, благословляются Церковью» (с. 5). Такое ограничение, в принципе верное, оставляет за рамками исследования значительный массив изданий, которые являются наиболее проблемными и с которыми собственно церковные издания сталкиваются в одной информационной нише. Автор по необходимости рассматривает некоторые из таких изданий («Русь православная»), но понятно, что материал этот остается неполным при большой значимости и актуальности: если какая-нибудь «НГ-религии» охватывает достаточно маргинальную, хотя и отнюдь не пренебрегаемую, часть православной аудитории (аудитория церковной периодики, кстати, не определена в диссертации), то издания, подобные «Руси православной», работают в православной аудитории, и здесь проблема влияния православных СМИ представляется очень серьезной.

Автор диссертации, в своем понимании средств массовой информации, ограничивается определением закона (с. 4). Между тем для научного анализа СМИ это определение представляется недостаточным. Действительно, равнозначно ли понятие журналистики понятию СМИ? Всякое ли даже периодическое издание можно с достаточным основанием отнести к массовой коммуникации, в особенности если речь идет именно о православных изданиях? Не являются ли многие существенные особенности православной периодики показателем статуса *традиционной журналистики*? Достаточно упомянуть о зависимости СМИ как рода словесности от международных информационных агентств, от рекламодателей, от государственной идеологии, упомянуть о мировой системе средств массовой информации, о едином стиле информирования СМИ. Из этой системы СМИ как раз и выпадают многие основные церковные издания, но не издания типа «Радонежа».

Современное состояние СМИ во многом определяется развитием сети интернет. Аудитория печатных и электронных СМИ все более пересекается с информационной деятельностью в интернете, многие ресурсы которого в настоящее время являются или позиционируют себя как православные. Влиятельность православных ресурсов интернета фактически не оценивается и не изучается, но очевидно, что она возрастает и что по мере расширения состава пользователей интернета православные интернет-ресурсы станут не просто более влиятельными, чем газеты, но заберут у прессы (особенно у приходской и епархиальной) наиболее активную и образованную часть аудитории. В результате аудитория православных СМИ может расколоться и образовать дополнительные группы в отношении аудитории интернет-ресурсов, поэтому проблеме православного интернета, наверное, следовало уделить больше внимания.

Рецензируемая работа представляется вполне достойной присвоения ее автору ученой степени кандидата богословия.

9.2. ОТЗЫВ профессора А. С. ГЕОРГИЕВСКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2007/2008 уч. г. диакона Владимира РОДЧЕНКО по кафедре Филологии на тему: «Генезис и типология современной отечественной церковной периодики»

Теория современной журналистики достаточно хорошо разработана, есть и исследования, посвященные православной церковной журналистике, хотя их немного. Но не было еще ни одного диссертационного исследования «изнутри», то есть не светского, а богословского, церковного, притом что потребность такого подхода очевидна. Развитие церковной журналистики без стесняющих ее рамок насчитывает уже около двадцати лет. За это время, помимо опыта, накопилось немало проблем и особенностей развития. Они должны быть осмыслены с точки зрения церковной. Этому посвящено настоящее диссертационное исследование, актуальность которого несомненна.

Автор ограничил ракурс своего рассмотрения церковной печатной периодикой, что представляется разумным для первой кандидатской работы на эту тему. Однако внутри заявленной темы взгляд его достаточно широк и подходы основательны.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Кроме того, имеются шесть приложений, включающих нормативные документы, свод современных отечественных православных периодических изданий, а также иллюстрации: фото известных деятелей церковной печати и первые страницы, обложки начальных и последних номеров православной периодики. Последнее приложение представляет собой словарь журналистских терминов, что для первой церковной диссертации такого рода вполне уместно и оправданно.

Во введении характеризуется современный этап развития церковной периодики, справедливо утверждаются ее цели, среди которых главная — миссионерская, обосновывается выбор аспекта рассмотрения, при этом правильно разводятся понятия «православная периодика» и «церковная» как более узкое понятие («те печатные органы, которые издаются или, по крайней мере, благословляются Церковью, а именно, Московским патриархатом»). Однако, формулируя объект своего исследования, автор

отнюдь не склонен ставить непреодолимые барьеры между ними, но, напротив, считает необходимым для выяснения функционирования прессы этого направления привлекать весь спектр периодики. Отталкиваясь от предмета своего диссертационного исследования — выявления генетических истоков и составления типологических характеристик современной отечественной церковной периодики, автор определяет задачи работы и ее цель: обстоятельное исследование русской церковной периодической печати конца XX — начала XXI веков.

Здесь же дан краткий анализ предшествующей литературы по теме, сказано о методологии исследования и возможных путях использования его результатов. Глава I «Происхождение, эволюция и становление современной русской православной журналистики» посвящена широкому рассмотрению генезиса, развития и возрождения и становления православных СМИ в новейшее время.

В ней прослеживаются вехи развития журналистики начиная с древнейших времен, причем основное внимание уделяется русской церковной, прослеживается формирование системы, которую автор вслед за светскими теоретиками и историками журналистики относит к началу XIX века. Автор обращает внимание на то, что начало православной периодики тесно связано с духовной школой, ибо первым популярным общедоступным изданием стал еженедельник «Воскресное чтение», который с 1837 года стала выпускать Киевская духовная академия. Также констатируется, что до революции четыре наши академии издавали девятнадцать периодических изданий. Справедливо выделяются имена замечательных публицистов-проповедников: архиепископа Никона (Рождественского), новомучеников протоиереев Философа Орнатского и Иоанна Восторгова.

Более подробно останавливается автор на рассмотрении «Журнала Московской Патриархии» — практически единственного церковного издания в советское время, по праву уделяя ему особое внимание как непосредственно предшествующему современной православной периодике. Скрупулезно автор исследует все особенности этого издания в разные годы, основываясь на воспоминаниях издателей, включая атмосферу времени, ее характеристику и вплоть до анализа объема, листажа и полиграфического исполнения.

Таким образом, автор диссертации логично подходит к анализу православных СМИ в новейшее время, их возрождению и становлению. О сложностях этого перехода также дается представление — через показ состояния «советской» журналистики на рубеже 80–90-х гг. в целом, через расчисленный серый массив которой предстояло, сперва с большим трудом, пробиваться ручейкам весеннего православного воскресения. Справедливо обращается внимание как на спонтанный церковный выпуск периодики на местах, в провинции, так и на новые центральные издания: «Московский Церковный вестник», «Православная Москва», «Православная беседа» и др.

Диссертант делает правильный вывод, что церковная периодика новейшего времени ведет свое происхождение от публицистических традиций синодального периода Русской Церкви и что «особенности типологической системы православной печати конца XX — начала XXI века генетически зародились еще на рубеже XIX—XX веков» (с. 85).

Именно на типологии современных православных журналов сосредоточено внимание во 2-й главе диссертации: «Типологические характеристики аналитической периодики РПЦ». Подчеркивая схожесть типологии церковной периодики со светской в общих параметрах, автор диссертации переходит затем к православной церковной специфике изданий. Она заключается прежде всего, помимо содержательных характеристик, в трех уровнях по месту и диапазону: это общецерковный, епархиальный и приходской журналы. После подробного рассмотрения характерных примеров диссертант переходит к дифференциации православных журналов в зависимости от социокультурных характеристик аудитории, выделяя здесь по праву прежде всего научно-богословскую периодику. Называя современные издания, автор указывает их аналоги в истории, в издательской практике дореволюционного периода. Выделяются и журналы для семейного чтения: здесь много теплых слов высказано диссертантом при анализе журнала «Православная беседа». Автор демонстрирует тонкость подходов при характеристике таких «находящихся на слуху» журналов (которые типологизируются по особым индивидуальным признакам), как «Фома» и «Русский дом». Автор, основываясь на высказываниях авторитетных церковных деятелей, отказывает этим изданиям в притязаниях называться в полном

смысле слова не только церковными, но подчас и православными, с чем можно согласиться. Автором приведена четкая аргументация, свидетельствующая, в частности, о нецерковном понимании патриотизма последним из названных изданий, ставящим это понятие тем не менее в центр своих приоритетов, что вызывает справедливый упрек в политизированности. По отношению к журналу «Фома» выдвигается комплекс претензий, которые условно можно определить словом «расхожесть», то есть отход от самого духа церковности, ибо таким образом происходит профанация духовного опыта христианства, приспособление идей Православия к нынешней конъюнктуре. Все это весьма важные для понимания существа проблемы умозаключения.

И далее, в 3-й главе «Система церковной периодической печати газетного типа», диссертант расширяет рассмотрение типологии церковной прессы за счет анализа газетной периодики. Здесь, прежде всего, дается общий типологический анализ информационной прессы Русской Православной Церкви. Справедливо выделяется в ней именно это качество информативности как первостепенное. Подробно рассматривает автор особенности различных типов газет и снова, как и в оценке журналов, распределяет их все по достоинству, «семя и ома»: те, что придерживаются строго канонов церковных, и те, что отходят от них, например «Радонеж» и «Русский вестник», когда-то начинавшие в одном ключе.

Во всех логических построениях, умозаключениях диссертант основывается на Священном Писании, творениях отцов Церкви, а также на высказываниях авторитетных современных деятелей. Диссертация отличается выверенностью методологии, четкостью аргументации, логикой рассуждений и основательностью конечных выводов.

Важно, что первая богословская научная диссертационная работа на тему церковной журналистики оказалась столь успешной.

В качестве замечания обращу внимание лишь на следующее. В светской печати ныне укоренилось обозначение Русской Православной Церкви через аббревиатуру РПЦ. Однако православному церковному человеку это режет слух. Мы называем свою Церковь святой. И аббревиатурные сокращения, идущие от советского прошлого, в данном

случае, на наш взгляд, неприемлемы, умаляют значение этого сакрального небесно-земного установления. К тому же глава нашей Церкви, Патриарх Алексий II, еще в 90-е годы обращал на это внимание с просьбой не сокращать таким образом. Для церковных изданий и работ это учесть особенно важно. А для некоторого сокращения можно употреблять выражения «наша Церковь», «Русская Церковь» и подобное. Это частное замечание отнюдь не влияет на общую высокую оценку представленной к защите кандидатской работы. Она отвечает всем требованиям, предъявляемым к подобным научным сочинениям. Ее автор диакон Владимир Родченко заслуживает присуждения исковой ученой степени кандидата богословия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беляева 1998 — *Беляева А.* Русская Православная Церковь за границей (1919—1926 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль, 1998. [*Beliaeva A.* Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' zagranitsej (1919—1926 gg.). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Iaroslavl', 1998.]
- Живов 2004 — *Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004. [*Zhivov V. M.* Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo: Issledovaniia i materialy (From church history of age of Peter the Great: Researches and materials). Moscow, 2004.]
- Заозерский 1907 — *Заозерский Н. А.* Точный смысл и значение Апостольского 34-го правила // БВ. 1907. Т. 3. № 12. С. 770—784. 2-я пагин. [*Zaozerskii N. A.* Tochnyi smysl i znachenie Apostol'skogo 34-go pravila (Exact meaning and importance of the Apostles' 34th rule) // Bogoslovskii Vestnik (Theological Review) Т. 2. № 7/8. Р. 770—784. 2-ia pagin.]
- Мазырин А., свящ. 2007 — *Мазырин А., свящ.* Попытки восстановления патриаршества в 1935—1937 годы: малоизвестные страницы истории // ЖМП. 2007. № 3. С. 31—33. [*Mazyrin A., sviashch.* Popytki vosstanovleniia patriarshestva v 1935—1937 gody: maloizvestnye stranitsy istorii (Attempts at restoring the patriarchy in 1935—1937: little known historical facts) // Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii (Moscow Patriarchate Journal). 2007. № 3. Р. 31—33.]
- Михайлов 1993 — *Михайлов А. Г.* Новомученики сербские // Папство и его борьба с Православием. Составитель С. Носов. М., 1993. [*Mikhailov A. G.*

ОТЗЫВЫ НА ДИССЕРТАЦИИ

- Novomucheniki serbskie (New martyrs of Serbia) // *Papstvo i ego bor'ba s Pravoslaviem* (Papism and its struggle against Orthodoxy). Sostavitel' S. Nosov. Moscow, 1993.]
- Прийма 1993 – *Прийма И. Ф.* Голоса Сербии: Хроника. Диалоги. Архивы. СПб., 1993. [*Prima I. F. Golosa Serbii: Khronika. Dialogi. Arkhivy* (Voices of Serbia: Timeline. Dialogues. Archives). Saint Peterburg, 1993.]
- Тодич, Кузеванов, Турилов 2006 – *Тодич Б., Кузеванов О. А., Турилов А. А.* Дечаны // ПЭ. Т. 14. 2006. С. 480–487. [*Todich B., Kuzevanov O. A., Turilov A. A. Dechany* (Dechany) // *Pravoslavnaia Entsiklopediia* (Orthodox Encyclopedia). 2006. Т. 14. Р. 480–487.]
- Цыпин В., прот. 1997 – *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. [*Tsy-pin V., prot. Istorii Russkoi Tserkvi* (History of the Russian Church). 1917–1997. Moscow, 1997.]

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адриан (Пашин), игумен, кандидат богословия, преподаватель МДА
adrianpashin@gmail.com

Андроник (Трубачев), игумен, кандидат богословия, доцент МДА
AndroniK-pavel@bk.ru

Бондач Альберт Григорьевич, Федеральное казенное учреждение
«Российский государственный архив древних актов», специалист 1-й
категории архивохранилища уникальных фондов
bondatch@mail.ru.

Венсан (Депрэ), иеромонах, насельник бенедектинского монастыря
Лигуже, Франция
vincent@abbaye-liguge.com

Дионисий (Шленов), игумен, кандидат богословия, доцент кафедры
Филологии МДА, заведующий библиотекой МДА
vestnik@mda.ru

Евгений (Решетников), архиепископ, кандидат богословия, про-
фессор кафедры Богословия МДА, ректор МДА
rektor.pr@gmail.com

Ким Сергей Сергеевич, PhD, преподаватель МДА, научный со-
трудник Базельского университета, Швейцария
kimserge@gmail.com

Лисин Олег, диакон, аспирант ОЦАД
komidzumi@mail.ru

Макарий (Веретенников), архимандрит, доктор богословия, про-
фессор МДА
macarius.v@yandex.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сафонов Дмитрий, иерей, кандидат богословия, кандидат исторических наук, секретарь Ученого совета, заместитель заведующего кафедрой Внешних церковных связей ОЦАД
kafedra_vcs@doctorantura.ru

Сергий (Голубцов), епископ, впоследствии архиепископ († 16 июня 1982 г.)

Сидоров Алексей Иванович, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доктор церковной истории, профессор МДА
isid-agapit@mail.ru

Таврион (Смыков), иеромонах, кандидат богословия, преподаватель МДА
ilija@yandex.ru

Тимофеев Борис, иерей, кандидат богословия, преподаватель МДА
bortim@mail.ru

Феодор (Юлаев), иеромонах, кандидат богословия, преподаватель МДА
ulaev.theodor@gmail.com

Филофей (Артюшин), иеромонах, доктор богословия, преподаватель МДА
artyushins@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Adrian (Pashin), hegumen, candidate of Theology, lector at MThA
adrianpashin@gmail.com

Andronicus (Trubachev), hegumen, candidate of Theology, Assistant Professor MThA
AndroniK-pavel@bk.ru

Bondach A. G., Federal State Institution «Russian State Archive of Ancient Acts», specialist of the 1st class of the Archive of Unique Collections
bondatch@mail.ru.

Dionysius (Shlenov), hegumen, candidate of Theology, Assistant Professor of Philology Department MThA, head librarian MThA
vestnik@mda.ru

Eugene (Reshetnikov), Archbishop, Candidate of Theology, Professor of the Theology Department MThA, Rector of MThA
rektor.pr@gmail.com

Kim S. S., PhD, lector MThA, research fellow at Basel University
kimserge@gmail.com

Lisin Oleg, deacon, graduate student of the Russian Orthodox School for Post-Graduate Studies
komidzumi@mail.ru

Macarius (Veretennikov), archimandrite, doctor of Theology, professor MThA
macarius.v@yandex.ru

Philotheus (Artyushin), hieromonk, doctor of Theology, lector MThA
artyushins@yandex.ru